

A detailed illustration of a woman with dark, curly hair sitting on a plush, patterned sofa in a cozy living room. She is wearing a green hoodie and is reading an open book. Three cats are present: a large orange and white cat sits behind her with a mug of coffee on its lap; a grey cat sits on the sofa to her left; and a black cat is curled up on her lap. The room is warmly lit by several lamps, including a large lamp with a fringed shade behind her and a smaller one to the left. A window in the background shows a city skyline at night with lights. The overall atmosphere is warm and inviting.

АРЕНДА
ХВОСТОМ

MYTHIC CODER

Mythic Coder

Аренда хвостом

«Автор»

2026

Coder M.

Аренда хвостом / М. Coder — «Автор», 2026

Анна Ветрова, 28-летняя копирайтер из Химок, больше не верит в людей. После очередного жильца-неплательщика она вешает объявление: «Комната в обмен на что угодно, кроме денег». На следующий день в квартире появляются трое. Серый британец, рыжий вислоухий и чёрный дворовый гигант. Они — магические должники. Когда-то не заплатили за жильё в прошлой жизни, теперь отрабатывают.

Содержание

Глава 1. Последний жилец	5
Глава 2. Кофе в 6 ч 30 мин	10
Глава 3. Охранник на входе	14
Глава 4. Первый семейный ужин	20
Глава 5. Мама приезжает в гости	26
Глава 6. Первые границы	31
Глава 7. Ночной разговор	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Mythic Coder

Аренда хвостом

Глава 1. Последний жилец

Дверь хлопнула так, что в прихожей дрогнуло зеркало, и Анна на секунду задержала ладонь на ручке, будто от этого могла удержать в квартире не человека, а остатки собственного терпения.

В подъезде кто-то громко захлопнул свою дверь следом, лифт где-то в шахте недовольно загудел, и всё это сложилось в знакомую какофонию конца очередной попытки жить «как нормальные люди», где нормальность почему-то всегда заканчивалась в день оплаты. В коридоре ещё висел сладковатый запах чужого дезодоранта, под ним проступал мокрый след от ботинок, а у Анны в голове звенели последние фразы, сказанные слишком спокойным голосом, потому что иначе она бы перешла на крик, а крик в её квартире звучал как поражение.

Она прошла вдоль узкого коридора, по привычке отмечая то, что придётся отмывать, поднимать и чинить, потому что после каждого жильца оставалось ощущение, будто через неё прошёл маленький ураган, который зачем-то потрогал все поверхности.

На полке у входа лежали квитанции за коммуналку, аккуратно сложенные стопкой, но от этого они не становились легче, и Анна коснулась краешка пальцем так, словно проверяла температуру собственной тревоги. Возле стены стояла старая сушилка, на ней висели носки и полотенце, которые она забыла снять ещё утром, и теперь они выглядели как флаги капитуляции в бытовой войне, в которой она почему-то всегда воевала одна.

Из комнаты донеслось шуршание пакета, который она так и не убрала после последних покупок, и этот звук неожиданно разозлил её сильнее, чем всё остальное, потому что он был мелким, глупым и совершенно лишним, но именно такие мелочи доказывали, что она держится на честном слове и тонкой нитке. Анна резко вдохнула, задержала дыхание на секунду и выдохнула медленно, стараясь превратить злость в действие, потому что действие хотя бы давало иллюзию контроля.

Её бывший жилец, очередной «нормальный», которого она сначала пыталась уважать, а потом просто терпела, исчез за дверью минуту назад, но слова его извинений всё ещё топтались у неё в ушах.

Он говорил о задержке зарплаты, о каких-то переводах, о «всё будет завтра», и каждое «завтра» звучало как плевок, завернутый в вежливость, потому что завтра всегда наступало для неё, а не для него. Анна вспомнила, как он вчера улыбался, когда спрашивал, можно ли ещё пару дней подождать, и эта улыбка теперь казалась ей не человеческой, а рекламной, как баннер, который обещает скидки, а потом показывает мелким шрифтом условия.

Она открыла шкафчик у входа, достала из него тряпку и средство для пола, хотя разум подсказывал, что сейчас не время убираться, а время сидеть и смотреть в стену. Анна знала за собой, что, когда она начинает смотреть в стену, внутри появляется пустота, и пустота быстро превращается в самоунижение, а самоунижение ей было не нужно, особенно сегодня. Она прошлась тряпкой по мокрым следам, вытирая не столько грязь, сколько ощущение, будто кто-то снова оставил на её жизни отпечатки, не спросив разрешения.

Когда пол стал чистым, ей стало чуть легче, но ненадолго, потому что чистый пол не платит коммуналку и не возвращает веру в людей. Анна повесила тряпку на край ведра, поставила ведро под раковину и пошла на кухню, где было теплее от включённой фотолампы и тише от того, что кухня вообще умела хранить её секреты лучше, чем комната. Там, на спинке стула,

висела её белая блузка, мятая так, словно её смяли вместе с её планами на спокойный вечер, и Анна раздражённо потянула ткань, почувствовав под пальцами жесткие заломы.

Она поставила чайник на плиту, но не включила, потому что чайник требовал ждать, а ждать она больше не хотела, и вместо этого налила себе кофе из турки, который стоял на плите с утра. Кофе был уже холодным, горьким и чуть пахнул металлической усталостью, но он был реальным, а реальность в этот вечер казалась единственным, чему можно доверять. Анна взяла свою кружку с облезлым котом, села за стол и уставилась в окно, где темнота отражала её кухню так, будто она сидела в двух одинаковых квартирах сразу, и обе были одинаково пустыми.

На подоконнике теснились растения, её зелёные свидетели и единственные жильцы, которые никогда не говорили «завтра» и не исчезали, когда нужно было платить по счетам. Толстянка выглядела важной со своими толстыми листьями, будто действительно была символом денег. Фикус тянулся к свету, как человек к надежде, а маленькая монстера упрямо выпускала новые листья, хотя места ей явно не хватало. Анна смотрела на них и чувствовала, как внутри поднимается знакомое желание поговорить вслух, потому что тишина иногда звенела так громко, что её хотелось перебить хоть чем-то.

Она сделала глоток холодного кофе и поморщилась, но не от вкуса, а от того, что этот вкус был слишком честным, как будто кофе говорил ей прямо: ты устала, ты злишься, ты держишься из упрямства. Анна поставила кружку и наклонилась к толстянке, словно к человеку, который обязан выслушать.

— Ну что, богатство приди, ты сегодня принесёшь мне хотя бы чудо в виде платежеспособного жильца, или мы опять будем жить на силе мысли и скидках?

Толстянка, разумеется, не ответила, но её листья блестели под лампой, и этот блеск почему-то казался Анне насмешкой. Она перевела взгляд на фикус и вздохнула, как будто перед тем, как пожаловаться, нужно было собрать слова в кучу.

— Федя, у меня ощущение, что я уже не сдаю жильё, а устраиваю конкурс на самую красивую отговорку.

Она не ожидала ответа, но произнесённое вслух всё равно становилось чуть легче, потому что звук вытаскивал её мысли из головы и превращал их в воздух, который можно выдохнуть. Анна посмотрела на монстеру, у которой один лист был надорван по краю, и аккуратно коснулась этого надрыва пальцем, будто это могло залечить и её собственные трещины.

— Маша, ты растёшь даже когда тебе тесно, а я кажется, только делаю вид, что умею расширять пространство, потому что мне страшно признать, что я одна.

Слова прозвучали слишком честно, и Анна тут же разозлилась на себя за эту честность, потому что она не любила, когда её можно поймать на слабости, даже если ловить некому. Она потянулась к телефону, который лежал рядом с кружкой, экраном вниз, словно тоже устал смотреть ей в глаза, и открыла приложение объявлений. Там висели её предыдущие тексты про «светлую комнату», «адекватных соседей» и «порядочного человека», и Анна ощутила, как от этих слов её буквально мутит, потому что каждое «порядочный» уже звучало как шутка.

Она начала печатать стандартное, потом остановилась, стёрла, снова набрала и снова стёрла, пока злость не превратилась в решимость сказать правду так, как она её чувствует. Анна уставилась на экран и написала фразу, от которой у неё самой дернулся уголок губ, потому что это было отчаянно и смешно одновременно.

«Комната в обмен на... что угодно, кроме денег».

Она перечитала и почувствовала, как в груди сжалось, потому что эта фраза была не просто объявлением, а признанием, что деньги её уже не спасают, и что ей важнее другое, хоть она ещё не была готова сформулировать, что именно.

Она добавила сухую конкретику про район, про интернет, про то, что она работает дома и ей нужны тишина и уважение к границам, добавила, что в квартире много растений, и что ей не нужны люди, которые считают зелень «хламом». Она приложила пару фотографий кухни, где

фотолампа делала вид, что это дизайнерская задумка, а не её попытка согреть пространство, приложила фото «комнаты», которая на самом деле была частью её жизни, отрезанной шторой, и на секунду почувствовала, что выставляет на показ не жильё, а себя.

Анна нажала опубликовать и откинулась на спинку стула, слушая, как в тишине тикают часы, и как где-то за стеной кто-то смеётся, словно у соседей жизнь устроена проще. Она снова взяла кружку, допила остаток холодного кофе и ощутила, что внутри всё равно пусто, как после уборки, когда грязь убрана, а причина грязи никуда не делась.

В коридоре щёлкнуло, и Анна вздрогнула так резко, будто кто-то хлопнул рядом по столу. Она замерла, прислушалась и услышала ещё один звук, мягкий, осторожный, как если бы по полу прошли лёгкие лапы или кто-то провёл ладонью по коврику. Анна поднялась, осторожно вышла из кухни и остановилась в коридоре, пытаясь понять, откуда это. Входная дверь была закрыта, замок на месте, цепочка висела как обычно, окна тоже были закрыты, и это было настолько очевидно, что её мозг начал паниковать, потому что очевидность не объясняла шорох.

Она сделала шаг к комнате и увидела движение у самого пола, у края коврика, где начался коридор. Из тени, спокойным и уверенным шагом, вышел кот, серый, плотный, кругломордый, как плюшевая игрушка, но живой, тяжёлый и настоящий. У него была такая ровная, густая шерсть, что он казался не случайно забежавшим, а тщательно собранным, как дорогая вещь, которую держат в чехле. Он остановился на границе света и тени, посмотрел на Анну, и этот взгляд был не кошачьим «я сейчас убегу», а каким-то оценочным, будто он пришёл проверить, правильно ли здесь организована жизнь.

Анна на секунду не нашла слов, потому что слова всегда требуют логики, а логика не предусматривает появления кота в закрытой квартире после того, как ты выгнала человека, который не платил. Её сердце ударилось о рёбра, как будто пыталось выскочить и спрятаться, а в голове вспыхнула мысль, что она просто перегрелась, переработала и допила холодного кофе до галлюцинаций.

— Ты кто такой и как ты сюда попал, если я не открывала дверь и не устраивала кошачий приём, потому что у меня сегодня уже был один приём, и он закончился плохо.

Кот не отпрянул, не испугался, не выгнул спину, он просто моргнул медленно, как будто у него было время на спокойствие, которого у Анны не было. Он прошёл дальше по коридору, направляясь к кухне, и Анна инстинктивно шагнула следом, потому что оставлять неизвестного кота одного в квартире казалось таким же неправильным, как и сам факт его появления.

По мере того, как он двигался, Анна замечала детали, которые её раздражали своей аккуратностью, потому что в её квартире аккуратность всегда давалась потом и нервами, а этот кот выглядел так, будто аккуратность ему выдали вместе с паспортом. Лапы у него были чистые, словно он не ступал по лестничной клетке, шерсть лежала ровно, будто её расчёсывали, а в походке не было суеты, словно он пришёл не просить, а работать.

Кот вошёл на кухню и сразу посмотрел на стол, как будто именно туда он и направлялся. Анна задержалась у дверного проёма, наблюдая, как он прыгнул сначала на стул, а потом на стол, легко и уверенно, будто стол был его законным местом. У Анны в горле уже формировалось привычное «на стол нельзя», потому что границы — это то, что удерживает её мир от распада, но слова застряли, когда кот повернул голову к её мятой блузке.

Он смотрел на ткань так, будто видел в ней задачу, а не предмет, и Анне стало немного смешно от собственной усталости, потому что она поймала себя на мысли, что этот кот сейчас даст ей выговор за складки. Она шагнула ближе, почти шёпотом добавив, хотя не знала, кому именно говорит, коту или самой себе.

— Если ты сейчас начнёшь меня осуждать, я тебя выгоню так же, как предыдущего, и мне всё равно, что ты красивый и серый, потому что я сегодня никого не нанимала на роль судьи.

Кот снова моргнул и сделал движение хвостом, настолько спокойное, что оно выглядело буднично, будто он просто поправлял воздух. Хвост прошёл по блузке плавной дугой, и Анна сначала не поняла, что именно произошло, потому что её мозг отказывался принимать невозможное. Затем ткань под хвостом начала расправляться, складки уходили так ровно, будто по ней прошёлся утюг, только утюга не было, не было пара, не было шипения, был только мягкий шорох, похожий на тихий вздох.

Анна резко наклонилась ближе, словно могла поймать обман глазами, и провела пальцами по месту, где секунду назад был залом, а теперь была гладкая, ровная поверхность. Блузка выглядела так, будто её только что достали из идеального магазина, где вещи никогда не мнутся, потому что там нет человеческих рук и человеческой усталости.

Её желудок неприятно сжался, и это было не от страха, а от осознания, что она не может объяснить происходящее, а значит, контроль снова ускользает. Она медленно подняла блузку, потрясла её, как будто складки могли вернуться от движения, но блузка оставалась гладкой, и это было настолько неправильно, что Анна нервно усмехнулась, словно смех мог заменить ей инструкцию по выживанию.

— Отлично, у меня в квартире появился кот, который гладит одежду хвостом, и я сейчас должна выбрать, что мне страшнее, что я сошла с ума, или что это работает.

Кот сел рядом с блузкой и сложил лапы так аккуратно, словно закончил рабочий пункт и ждёт следующего. Анна смотрела на него и чувствовала, как внутри странным образом смешиваются паника и облегчение, потому что паника говорила ей «это невозможно», а облегчение шептало «хоть кто-то наконец-то делает что-то полезное и не требует объяснений».

Она медленно обошла стол, проверила окна, балконную дверь, заглянула в коридор, словно кот мог быть чьим-то питомцем, который пробрался через щель, но щелей не было, а сама квартира выглядела так же, как минуту назад, только теперь в ней сидел серый британец с хвостом, который умел то, что Анна сама откладывала на потом.

Телефон тихо пикнул, сообщая о первом отклике на объявление, и Анна вздрогнула, будто её поймали на преступлении. Она посмотрела на экран, но не открыла сообщение, потому что рядом сидел кот, который гладил блузку без слов, и ей вдруг стало противно от мысли, что сейчас начнётся привычная переписка с очередным человеком, который будет торговаться, спрашивать, можно ли платить позже, и обещать быть «нормальным».

Анна поймала себя на том, что впервые за долгое время ей не хочется, чтобы в квартире появился кто-то новый, потому что этот новый уже появился, и он не говорил «завтра».

Она вернулась к столу, села напротив кота и попыталась собраться, как собираются перед важным разговором, только разговор был не с человеком, а с серым существом, которое не давало ей инструкции, но своим видом предлагало порядок. Анна сложила руки на столе и посмотрела коту в глаза, пытаясь поймать в них хоть что-то привычно животное, но взгляд оставался спокойным, терпеливым и чуть требовательным, будто он ожидал, что она сформулирует условия.

— Ладно, раз уж ты тут, давай договоримся, потому что у меня в доме правила, и первое правило в том, что я должна понимать, что происходит, иначе я начинаю сходить с ума и выгонять всех подряд, и ты, поверь, тоже попадёшь под раздачу.

Кот не двинулся, но Анна заметила, что у него слегка дрогнули усы, будто он воспринял её речь как официальное заявление. Ей стало неловко от собственной серьёзности, потому что спорить с котом на тему правил было абсурдно, но абсурд был честнее, чем её прежние попытки быть строгой с людьми.

Она провела ладонью по столешнице, чувствуя на кончиках пальцев следы сахара и крошки, которые она не заметила раньше, и вдруг поняла, что её привычное стремление к контролю сейчас бессильно, но при этом ей не хочется бороться, потому что кот не нападал, не требовал и не забирал пространство силой.

Анна посмотрела на идеально выглаженную блузку и ощутила укол усталой благодарности, от которого захотелось отмахнуться, потому что благодарность — это тоже уязвимость. Она сглотнула, перевела взгляд на плиту, где стояла турка, и внутри неё неожиданно вспыхнула детская, почти глупая мысль, что если уже происходит невозможное, то почему бы не попросить ещё невозможного, хотя она всю жизнь учила себя не просить, потому что просьбы часто превращались в долг.

Она подняла кружку, в которой уже не осталось кофе, понюхала её дно, почувствовала горький холодный запах и усмехнулась одними губами, потому что этот вечер был странно похож на её жизнь, где всё делалось в одиночку и всегда остывало. Анна посмотрела на кота, и голос у неё стал тише, словно она говорила не ему, а своей надежде, которую боялась спугнуть резкостью.

— Если ты ещё и кофе научишься варить...

Глава 2. Кофе в 6 ч 30 мин

Ночь провалилась в сон быстро и тяжело, как будто кто-то выключил свет не только в комнате, но и в её голове, где весь вечер ещё жужжали обрывки злости, стыда и странного, почти детского удивления.

Анна помнила, как сказала шёпотом про кофе, помнила ровный серый взгляд, помнила идеально гладкую ткань на столе, а потом усталость накрыла её так плотно, что ей уже было всё равно, есть ли в квартире кот, призрак или очередная ошибка в её жизни, потому что организм требовал перезагрузки без права на обсуждение. Она спала без снов, и именно это казалось подозрительным, потому что обычно, когда она засыпала в тревоге, ей снились счёта, чужие лица и бесконечные лестничные клетки, по которым она гонится за обещаниями, а тут было пусто, будто кто-то аккуратно закрыл все вклады.

В шесть тридцать утра её разбудил запах, который не имел права существовать в её квартире в это время, потому что по расписанию у неё должен был быть либо горький растворимый кофе на бегу, либо пустая кружка и злость на саму себя. Запах был идеальный, тёплый и ровный, как мягкая музыка в дорогой кофейне, где люди улыбаются и не торгуются за каждый рубль, и от него у Анны сначала приятно сжалось внутри, а потом резко стало страшно, потому что приятное всегда приходило к ней с подвохом.

Она села в постели, почувствовала, что волосы спутались, что подушка тёплая от щёк, что носок на одной ноге куда-то исчез, и от этих бытовых мелочей реальность казалась нормальной, пока запах не напоминал, что нормальности сегодня не будет. Анна прислушалась и уловила на кухне тихое шуршание и лёгкое постукивание, будто кто-то работал уверенно и без суеты, как человек, который привык готовить чужие утренние спасения.

Она прошла по коридору босиком, стараясь не наступить на скрипучую доску у стены, и заглянула на кухню так осторожно, словно там могла сидеть не кошка, а её психика с табличкой о капитуляции. Под шкафчиками горел свет, хотя она точно его не включала, на столе стояла её кружка с облезлым котом, и над ней поднимался пар.

Рыжий вислоухий кот стоял у столешницы на задних лапах, а передними ловко удерживал маленький вспениватель так, словно это была не игрушка из магазина, а рабочий инструмент, с которым он родился.

Молоко в кружке превращалось в гладкую плотную пену, турка уже была снята вовремя, запах кофе был чистым и сладковатым, и всё это выглядело так, будто у неё на кухне открылся сервис, который обслуживает людей лучше, чем люди обслуживают друг друга. Рядом, чуть в стороне, серый британец сидел, как вчера, спокойно и тяжело, будто фиксировал факт выполнения, а его взгляд был настолько деловым, что Анна ощутила раздражение раньше, чем страх.

— Так, стоп, вы сейчас оба прекращаете, потому что у меня нет привычки просыпаться от идеального кофе, и у меня нет бюджета на чудеса в будние дни.

Рыжий кот повернул голову и мурлыкнул низко и довольным тоном, словно услышал не угрозу, а заказ, а серый даже не шевельнулся, только медленно моргнул. Анна сделала шаг ближе, увидела на пенке аккуратный рисунок листика и почувствовала, как у неё внутри поднимается злость на сам факт того, что это красиво, потому что красивое обычно располагало к доверчивости.

Ей хотелось схватить кружку и выплеснуть всё в раковину, чтобы доказать себе, что она не поддаётся, но запах был такой, что рука предательски дрогнула, и Анна снова разозлилась, уже на себя. Она упёрлась ладонью в край стола, как будто стол был единственным стабильным объектом в квартире, и попыталась говорить жёстко, как с очередным жильцом, который притворяется милым.

— Вы кто вообще такие, и почему вы ведёте себя так, будто это ваша кухня, а я тут просто прохожу мимо.

Серый кот посмотрел на неё, не мигая, и Анна вдруг очень отчётливо вспомнила своё объявление, ту фразу про обмен на что угодно, кроме денег, которую она вчера написала с отчаянием, а теперь эта фраза словно вылезла из экрана и начала ходить по квартире на четырёх лапах.

Её пальцы потянулись к телефону, лежащему на подоконнике у растений, и она судорожно открыла приложение, будто могла нажать отмену и вернуть всё назад, но объявление висело опубликованным, и строка с её безумной формулировкой светилась как признание. Анна резко закрыла экран и решила, что единственный нормальный ход сейчас это выгнать котов, потому что, если она начнёт с ними договариваться, значит она признала их частью реальности, а признавать ей было страшно.

Она схватила серого британца двумя руками под грудь, удивившись, какой он тяжёлый и спокойный, как будто внутри у него лежал не кот, а пачка документов. Анна открыла входную дверь, поставила его на коврик и сказала ровно, заставляя голос не дрожать, как заставляют себя не плакать при свидетелях.

— Спасибо за вчерашнее, но всё, до свидания, у меня дома так не живут.

Серый кот не сделал шага на лестницу и даже не повернул голову к подъезду, он просто посмотрел на Анну так, будто она предложила ему нарушить закон физики, а потом Анна захлопнула дверь и сразу услышала за спиной мягкий звук, как если бы кто-то сел на кухонный стул.

Она обернулась и увидела серого кота на прежнем месте, будто дверь для него была не границей, а формальностью, и у Анны похолодели пальцы. Она попробовала повторить то же самое с рыжим, но рыжий вывернулся из рук, как скользкая солнечная тряпка, прыгнул на холодильник и посмотрел на неё сверху вниз с таким самодовольством, что Анне захотелось выругаться нецензурно, но она удержалась, потому что даже в панике ей хотелось оставаться человеком. Рыжий спрыгнул обратно и демонстративно подтолкнул кружку ближе к ней, будто говорил без слов, что спорить можно потом, а пить нужно сейчас.

В этот момент голос появился у неё в голове, ровный и сухой, как письмо из налоговой, и Анна вздрогнула так, что едва не уронила кружку. Голос не звучал в воздухе, он звучал внутри, и от этого было страшнее, потому что от звука можно закрыть уши, а от мысли не спрячешься.

«Анна Ветрова, факт соответствия с внешностью и образом подтверждён. Меня зовут Борис».

Анна медленно подняла взгляд на серого кота и почувствовала, как её желудок сжался, потому что тон совпал с его взглядом, и совпадение не оставляло места сомнениям.

— Ты сейчас разговариваешь у меня в голове, и мне нужно понять, это психиатрия или какая-то очень плохая шутка.

«Психиатрия не требуется. Мы привязаны к объявлению. Условия обмена приняты. Денежный расчёт исключён».

Анна коротко вдохнула, словно ей не хватило воздуха, и упрямо зацепилась за самое простое.

— Привязаны как, на каком основании, и почему вы вообще решили, что я хочу обмен, если я просто была в отчаянии.

«Публичная формулировка. Широкий диапазон. Мы выполняем бытовые задачи в счёт обмена».

Рыжий кот мурлыкнул, будто поддержал слово «выполняем», и Анна ощутила, как её раздражение вспыхнуло ярче, потому что в её жизни уже хватало тех, кто что-то выполнял, только обычно выполняли они её терпение. Она шагнула назад, упёрлась бедром в стол и смот-

рела то на котов, то на кружку, а кружка стояла и дымилась так спокойно, будто это нормальное утро любой девушки в Химках.

— И рыжий тоже привязан, да, и он тоже сейчас часть договора, которого не должно существовать.

«Идентификатор: Вадим. Функционал: кофе и поддержка режима. Поведение: импульсивное».

— Поддержка режима звучит так, будто вы меня наняли с вами жить, а я не согласна, я вообще-то сама умею жить, просто у меня иногда всё валится.

«Факт: Вы попросили что угодно. Мы это, что вам требовалась. Уточните правила и границы, чтобы исполнение было корректным».

Эта спокойная логика ударила по ней сильнее, чем любое человеческое хамство, потому что с хамством можно спорить, а с логикой приходится либо соглашаться, либо ломать её, а ломать Анна не умела.

Ей вдруг стало тесно на собственной кухне, слишком много пара, слишком много запаха, слишком много присутствия, и она сделала то, что делала всегда, когда мир выходил из-под контроля, то есть выбрала маленькое пространство, где можно закрыться и хотя бы на минуту решить, что ты в безопасности. Анна резко развернулась, почти бегом дошла до ванной, захлопнула дверь и повернула щеколду так, будто коты могли открыть её лапами, хотя вчера кот гладил хвостом, а значит, правила уже сломались.

В ванной было прохладно, пахло шампунем и зубной пастой, плитка под ногами отдавала холодом, и этот холод наконец-то показался ей нормальным, потому что холод не обещал чудес.

Анна прислонилась лбом к двери и закрыла глаза, пытаясь дышать ровно, как учат в видео про тревожность, которые она иногда смотрела ночью и злилась, что советы там слишком простые. С той стороны двери было тихо, не было ни царапанья, ни мяуканья, только мягкое мурлыканье где-то в коридоре, будто рыжий сел рядом и решил ждать. Голос Бориса снова появился внутри, как напоминание, от которого нельзя отписаться.

«Неэффективно изолироваться. Мы не причиним вреда. Мы исполняем. Напиток готов. Рекомендуется употребить».

— Ты сейчас ещё и рекомендации выдаёшь, как будто я для вас отчёт за квартал, и мне надо срочно закрыть стресс, потому что ты так сказал.

«Ваша реакция ожидаема. Моя задача в том числе снизить вашу нагрузку. Это входит в обмен».

Анна зажмурилась сильнее и почувствовала, как подступают слёзы злости, не жалости, не умиления, а именно злости, потому что она не просила никого снижать ей нагрузку, она привыкла тащить всё сама, и, если сейчас кто-то внезапно делает это вместо неё, значит она где-то проиграла.

Она выпрямилась, посмотрела на себя в зеркало, увидела растрёпанные волосы и усталые серо-зелёные глаза, и раздражённо провела ладонью по лицу, словно могла стереть с него это утро. Внутри, под злостью, лежала другая мысль, тихая и опасная, что ей очень хочется обратно на кухню, потому что там пахнет кофе, и потому что кофе пахнет заботой, а забота её пугает больше, чем коты.

Она открыла дверь ванной и вышла так, будто возвращалась не в квартиру, а на переговоры, где нельзя показать слабость. Рыжий действительно сидел у коврика, аккуратно поджав лапы, и смотрел на неё спокойно, без издёвки, а серый сидел у стены и выглядел так, словно уже составил протокол её побега и возвращения. Анна прошла на кухню, села за стол, не решая себе смотреть на кружку слишком долго, чтобы не сдать раньше времени, потом всё же посмотрела, потому что это было сильнее.

Она взяла кружку, сделала маленький глоток и ощутила, как тепло расходится по груди, как горечь уходит, как внутри становится чуть тише, и эта тишина была почти обидной, потому что она возникла не от её усилий. Анна поставила кружку и упрямо нахмурилась.

— Это слишком вкусно, чтобы быть честным, и я не хочу привыкать к тому, что вы тут хозяйничаете, даже если вы моете посуду и варите латте.

Рыжий кот мурлыкнул чуть громче, словно принял это как комплимент, а голос Бориса сухо уточнил, не оставляя ей пространства для романтики.

«Фиксирую. Вам необходимы правила. Предложение: сформулировать ограничения доступа к спальне, к столу, к личным вещам».

— Спальня закрыта, стол по согласованию, мои вещи не трогать, и вообще, я не понимаю, почему я обсуждаю это с котами, но раз уж вы решили, что вы жильцы, то вы жильцы и будете жить по моим правилам.

«Принято. Исполнение обеспечим».

День прошёл неровно и странно, потому что Анна пыталась работать, печатала тексты, перебирала задания, делала вид, что это обычный вторник, но в квартире постоянно было присутствие, которое не требовало денег и не исчезало, а это ломало её привычную картину мира.

Рыжий появлялся рядом с кружкой ровно тогда, когда она ловила себя на том, что смотрит в пустую строку и не может начать, и кофе всегда был чуть другим, будто он подбирает вкус под её состояние, и Анна злилась на то, что это работает.

Серый не мешал, не лез под руку, он существовал как порядок, и иногда в голове возникали его короткие фразы, про воду, про перерыв, про то, что она сутулится, и это тоже бесило, потому что было правдой. Анна несколько раз пыталась открыть объявление и удалить, но приложение требовало подтверждений, паролей, а потом зависло, как назло, и Анна почувствовала, что даже техника сегодня играет против неё, словно объявление стало крючком, за который её держат в новой реальности.

К вечеру её злость выдохлась, как выдыхается человек после длинного спора, когда понимает, что спорить уже не с чем, потому что факт всё равно стоит посреди кухни и пахнет кофе.

Она сидела у окна, фотолампа подсвечивала листья. Толстянка выглядела важной, фикус стоял ровно, монстера тянулась к свету, и Анна поймала себя на том, что впервые за долгое время не хочет жаловаться растениям, потому что жаловаться стало неловко при свидетелях, даже если свидетели пушистые.

Она сделала глоток, посмотрела на рыжего, который устроился на стуле, и на серого, который сидел у стены, и вдруг поняла, что в квартире стало не пусто, а ей от этого одновременно легче и страшнее, потому что пустота хотя бы привычная. Анна собиралась сказать что-то резкое, чтобы вернуть себе привычную броню, когда снаружи, со стороны входной двери, раздался звук, от которого у неё в животе сжалось. Это было тяжёлое и громкое шкрябанье, низкое и настойчивое, будто кто-то большой царапал дверь не из каприза, а как работу, которую надо сделать до конца.

Анна медленно поставила кружку на стол, и в тишине кухни стало слышно, как у рыжего оборвалось мурлыканье, а серый напрягся едва заметно, словно в его сухом порядке появилась новая переменная. Шкрябанье повторилось, потом раздалось глухое короткое мяуканье, низкое, почти грудное, и Анна уже знала, что это не тётя Люба и не соседский кот, потому что такие звуки не просят, такие звуки заявляют о себе. Она посмотрела на входную дверь так, будто за ней стоял следующий пункт её объявления, и внутри неё поднялось ощущение, что «что угодно» только начинает приходить по одному, как счета, которые всегда находят её адрес.

Глава 3. Охранник на входе

Шкрябанье в дверь продолжалось ровно столько, сколько нужно, чтобы Анна успела представить себе все варианты, от соседского кота до собственной паранойи, и чтобы ни один из вариантов не показался достаточно нормальным. Звук был тяжёлым и низким, будто когти царапали не дерево и металл, а её вчерашнюю усталость, которую она так и не успела спрятать под одеяло. Рыжий перестал мурлыкать и вытянул шею, уши у него подались вперёд, а серый напрягся так, что это было видно даже в его спокойной бухгалтерской неподвижности, словно в его внутреннем отчёте появилась новая строка расходов. Анна сидела на кухне с кружкой, которая ещё минуту назад казалась ей почти спасением, и теперь вдруг почувствовала, что тепло кофе не защищает от того, что стоит за дверью.

Шкрябанье сменилось коротким глухим мяуканьем, не жалобным и не мягким, а таким, каким обычно говорят люди, которые не просят разрешения, а сообщают факт. Анна отодвинула кружку и встала, хотя тело сопротивлялось, потому что встать означало взять ответственность за следующий шаг, а у неё и так было ощущение, что ответственность переехала к ней жить и заняла половину комнаты. Она прошла по коридору, остановилась у двери, посмотрела на глазок, но там была только тёмная лестничная клетка, и от этого ей стало ещё неприятнее, потому что тьма не объясняет, кто царапается. Рыжий тихо шёл следом, держась на расстоянии, будто соблюдал новое правило о личном пространстве, а серый остался в кухне, но Анна чувствовала его присутствие так, как чувствуют взгляд на затылке.

Она сняла цепочку и открыла дверь на щёлочку, сразу готовая захлопнуть, если увидит что-то не то, и на пороге действительно стояло что-то не то, только это было не страшное, а слишком большое для обычного. Огромный чёрный кот, дворовой, матовый как ночная куртка, стоял так близко, что его дыхание было слышно, и в этом дыхании не было суеты. У него на ухе был заметный надлом и шрам, и это придавало морде выражение вечной серьёзности, как у охранника, который уже видел слишком много людей, обещающих исправиться. Кот посмотрел на Анну, потом на её квартиру, потом снова на Анну, и от этого взгляда у неё внутри вспыхнуло раздражение, потому что даже коты сегодня умели оценивать её жизнь, как товар на витрине.

— Ты тоже к объявлению, да, потому что если да, то мне срочно нужно отменить интернет.

Чёрный кот не моргнул и не отступил, он просто сделал шаг внутрь, будто уже имел право переступить порог, и Анна рефлекторно хотела сказать нет, хотела выставить руку, хотела закрыть дверь и вернуть себе хотя бы одну границу, но у неё не получилось, потому что кот прошёл так уверенно, что её сопротивление выглядело детским. Она закрыла дверь, машинально повесила цепочку обратно и ощутила странный холодок, будто дом принял нового жильца и не спросил хозяйку. Чёрный кот прошёл по коридору, не трогая обувь, не задевая полку, остановился у кухни и посмотрел внутрь, а рыжий и серый встретили его не шипением и не страхом, а напряжённой тишиной, как будто они узнали коллегу по работе.

На кухне чёрный сел у порога, как будто выбрал себе пост, и Анна вдруг поняла, что он не лезет на стол и не интересуется кофе, он просто фиксирует пространство, проверяет углы, слушает звуки. Это было настолько похоже на настоящую охрану, что Анна на секунду растерялась, потому что в её жизни никто так не охранял её границы, даже она сама иногда не справлялась. Серый поднял голову, и в её голове прозвучало сухое уведомление, от которого она по привычке поморщилась.

«Идентификатор: Сергей. Функционал: безопасность, контроль границ, предотвращение нарушений».

Анна медленно выдохнула, будто пыталась выдуть из себя желание немедленно сбежать в ванную, но ванная уже не казалась спасением, потому что если коты теперь привязаны к объ-

явлению, то и её бегство будет выглядеть как пункт их работы. Рыжий уселся на стул и, как ни странно, перестал изображать баристу, он стал внимательным и тихим, а это было непривычно. Анна стояла в дверях кухни и смотрела на троих, ощущая, как в квартире стало плотнее, будто воздух заняли чужие обязанности.

В этот момент раздался звонок в дверь, резкий и нервный, как пальцы, которые не умеют ждать. Анна вздрогнула, потому что после появления чёрного кота звонок звучал как продолжение того же неприятного сценария, где кто-то обязательно пытается вломиться в её вечер. Она подошла к двери, посмотрела в глазок и увидела Максима, своего бывшего, которого она не ждала и не хотела видеть, особенно так, как он выглядел сейчас. Он стоял, чуть покачиваясь, волосы растрёпаны, куртка застёгнута криво, на лице была та самая улыбка, которую он включал, когда хотел, чтобы ему простили заранее. Даже через дверь Анна словно почувствовала запах алкоголя, и внутри сразу поднялась усталая злость, потому что Максим любил приходить в её жизнь внезапно и требовать разговора, как будто у неё всегда должен быть свободный вечер для его раскаяний.

Она не открыла, но Максим нажал звонок снова, потом стукнул кулаком по двери и сказал что-то, что Анна не разобрала, потому что слова расплывались в подъездном эхе. Она приложила ухо к двери и услышала уже отчётливо.

— Ань, открой, я поговорить пришёл, нормально поговорить, не как ты тогда, я просто... я скучаю, понимаешь, я скучаю, и ты не берёшь трубку.

Внутри у Анны поднялось знакомое чувство, смесь раздражения и вины, потому что Максим умел заставлять её чувствовать себя жестокой даже тогда, когда она защищалась. Она прижала ладонь к дверному косяку и ощутила, как пальцы дрожат от злости, которая копилась месяцами и так и не нашла выхода. Её хотелось сказать ему, что разговоры бывают вовремя, а не по пьяной инициативе, что скучать он мог, когда не исчезал, что трубку она не берёт, потому что не хочет снова быть его запасным аэродромом, но Анна знала, что если она откроет дверь и начнёт говорить, Максим зайдёт внутрь вместе со своим запахом, своей жалостью к себе и своей привычкой занимать пространство.

— Максим, уходи, я не буду сейчас разговаривать, и тем более я не буду впускать тебя, потому что это плохая идея для всех.

Он рассмеялся коротко, обидно, будто она сказала глупость, и снова ударил ладонью по двери.

— Да ладно тебе, какая плохая идея, я же не чужой, Ань, ну открой, ты всегда драматизируешь, я просто поговорить, я не буду ничего...

Анна закрыла глаза, и это «ты всегда драматизируешь» ударило точнее, чем алкогольный запах, потому что Максим всегда превращал её границы в её недостатки. Она хотела ответить резко, но в этот момент по коридору прошёлся тяжёлый мягкий шаг, и Анна почувствовала, как рядом появляется чёрный кот. Сергей подошёл к двери молча, сел прямо перед ней, так близко, что его шерсть почти касалась её носков, и поднял голову, словно слушал не слова, а намерение.

Максим снова нажал звонок и уже громче, с раздражением, сказал в щель двери.

— Ань, ну ты чего, ты мне вообще кто, чтобы вот так, я тебе сколько помогал, а ты...

Сергей издал короткий звук, низкий и предупреждающий, не мяуканье и не рычание, а что-то между, как хриплый выдох человека, который говорит только по делу. Анна вздрогнула, потому что этот звук был слишком осмысленным. Чёрный кот поднялся на задние лапы и ударил передней лапой по двери с внутренней стороны, и удар был такой сильный, что дверь глухо отозвалась, как щит. Максим замолчал на секунду, потом снаружи послышалось нервное хихиканье.

— Ты что, кошку завела, что ли, Ань, ты серьёзно, ты уже до кошек докатилась.

Сергей снова ударил по двери, но теперь медленнее, точнее, будто выстукивал предупреждение. Анна услышала, как Максим отступил на шаг, и почувствовала странное, почти физическое облегчение, потому что впервые за долгое время кто-то не просил её быть мягче, а просто делал так, чтобы нарушитель остановился. Максим попытался снова приблизиться, что-то пробормотал, потом резко выругался, и в этот момент Сергей издал ещё один звук, совсем тихий, но от него у Анны по спине прошёл холодок, как от чужого взгляда в темноте.

Максим заговорил уже другим тоном, не жалобным и не наглым, а обиженным и слегка испуганным.

— Да что за хрень, у тебя там что, собака, что ли... Ладно, всё, я понял, я уйду, но ты потом пожалеешь, Ань, ты всегда так, ты сначала выгоняешь, потом плачешь.

Анна не ответила, потому что, если она ответит, Максим получит ниточку, за которую можно тянуть, а ей не хотелось давать ему ни ниточки, ни повода. Она слышала, как он спускается по лестнице, ругаясь себе под нос, и как потом хлопает дверь подъезда. Когда шаги совсем исчезли, Анна осознала, что всё это время она стояла, задержав дыхание, будто боялась вдохнуть чужую драму. Она выдохнула, посмотрела вниз и встретила взглядом с чёрным котом, который уже снова сел и будто бы просто ждал следующей угрозы, как охранник, который не считает свою работу подвигом.

— Ты... ты сейчас его реально прогнал.

Сергей моргнул медленно, и Анна вдруг ощутила, что это моргание похоже на короткое подтверждение без слов. В голове у неё не возникло сухого отчёта, но появилось короткое ощущение, будто кто-то поставил галочку напротив задачи. Анна медленно вернулась на кухню, и впервые за эти дни увидела котов не как абсурд, а как систему, которая действительно работает. Серый сидел на своём месте, рыжий снова начал тихо мурлыкать, но теперь мурлыканье было приглушённым, уважительным, как музыка на фоне после напряжённого разговора.

Она села за стол, почувствовала, что руки у неё дрожат, и попыталась понять, что именно произошло. Максим был настоящей проблемой, не глобальной, но болезненной, и обычно его появление ломало ей вечер, заставляло её сомневаться в себе, перебирать слова, злиться и потом чувствовать вину. Сегодня он ушёл быстро, и Анна не сказала ни одного лишнего слова, и от этого ей было одновременно хорошо и странно, потому что она привыкла платить за защиту своего пространства нервами. Она подняла глаза на троих котов и впервые подумала, что, возможно, её объявление действительно сработало, только не так, как она ожидала.

— Ладно, раз уж вы тут, и раз уж вы, как выяснилось, не просто декорация для моего психоза, то мне нужно понять, как с вами жить, потому что в хаосе я не умею, а вы, судя по всему, умеете только в хаос чужих проблем.

Серый поднял голову, и в голове Анны возник его голос, ровный и сухой.

«Согласен. Требуется регламентация. Рекомендация: оформить договор аренды. Установить обязанности, график, зоны доступа».

Анна поморщилась, потому что слово договор звучало так, будто она снова возвращается в мир людей, где всё должно быть расписано, чтобы не развалилось. Но сегодня это слово звучало не как угроза, а как опора, потому что если коты действительно привязаны к её объявлению, то ей нужно хоть как-то превратить это в понятные правила, иначе она сойдёт с ума от непредсказуемости. Рыжий потянулся, спрыгнул со стула и подошёл к столу, ткнулся носом в её кружку, как будто проверял, не остыла ли жизнь.

— И я хочу уточнить сразу, что я не согласна на круглосуточное обслуживание, потому что я не королева, и вы не официанты, и вообще это звучит неправильно.

«Уточнение. Мы исполняем обмен. Мы не официанты. Мы исполнители обязательств», сухо отозвался Борис в голове.

Рыжий, будто возмущаясь, издал короткое фырканье и посмотрел на Анну ярко, почти весело, а потом мяукнул так выразительно, что ей показалось, будто он спорит. Анна вздох-

нула, достала из ящика лист бумаги, тот самый, на котором обычно делала списки покупок и дедлайнов, нашла ручку и положила всё это на стол, как будто собиралась заключить сделку не с котами, а с собственной реальностью.

— Хорошо, раз вам нужен договор, значит будет договор, потому что иначе вы будете делать что захотите, а я буду сидеть в ванной, и это плохая стратегия на всю жизнь.

Сергей поднял голову, посмотрел на коридор, будто проверял, не вернулся ли Максим, и снова опустил взгляд, оставаясь у порога кухни. Анне неожиданно понравилось, что он не лезет в центр, не требует внимания, не пытается понравиться, он просто держит границу, и это было редким качеством, которого ей не хватало в людях.

Анна написала сверху крупно, стараясь, чтобы буквы были ровными, потому что ровные буквы успокаивают.

Аренда хвостом

Она посмотрела на эту надпись и почувствовала, как у неё дёрнулся уголок губ, потому что это звучало смешно и одновременно слишком точно, как название чего-то, что станет её новой привычкой. Она провела ручкой ниже и начала формулировать, как умела, просто и конкретно, без лишних украшений, потому что ей сейчас нужно было не красиво, а понятно.

— Пункт первый. Жильцы. В квартире проживают три кота, Борис, Вадим и Сергей. Пункт второй. Они не исчезают через дверь и не выгоняются обычным способом, как выяснилось, поэтому этот пункт просто факт, который мне придётся принять.

«Корректировка. Не проживают. Исполняют», сухо вмешался Борис.

Анна подняла взгляд на серого и раздражённо постучала ручкой по столу.

— Я сейчас пишу так, как понимаю, а ты потом внесёшь свои бухгалтерские правки, но дай мне хотя бы закончить мысль.

«Принято. Продолжайте», отозвался Борис, и в этом «принято» было столько терпеливой дисциплины, что Анна почти рассмеялась.

Рыжий ткнулся носом в край бумаги и посмотрел на неё так, будто тоже хочет участвовать, и Анна поймала себя на том, что разговаривает с ним проще, чем с Борисом, потому что рыжий не лез ей в голову словами, он лез ей в голову запахами.

— Пункт третий. Обязанности. Борис. Глажка, порядок, документы, если это не нарушает мои личные границы и не включает чтение моих переписок. Вадим. Кофе и, ладно, мелкие бытовые штуки, если ты не устроишь у меня кофейню посреди кухни. Сергей. Безопасность и охрана входа, но без того, чтобы пугать соседей просто так.

Сергей тихо фыркнул, как будто слово «просто так» было для него оскорблением, и Анна почувствовала благодарность, которая снова пыталась пробраться внутрь, но она её удержала, потому что благодарность требует доверия, а доверие у неё сейчас было в дефиците.

Борис в голове произнёс ровно и сухо.

«Требуется график работ. Иначе обязанности будут выполняться хаотично. Хаос снижает эффективность».

Анна сжала ручку и выдохнула так, будто считала до пяти, чтобы не сорваться.

— Хорошо, будет график, потому что, если я не дам график, ты начнёшь составлять его сам, и я проснусь однажды утром от того, что ты составил мне план жизни на пять лет.

«План жизни на пять лет не запрашивался. Запрашивается график бытовых задач», уточнил Борис, и Анна поняла, что спорить с ним бесполезно, потому что он спорит не эмоциями, а формулировками.

Рыжий снова мякнул, уже требовательно, и Анна посмотрела на него.

— Что ещё, Вадим, ты тоже хочешь в договор, потому что я не против, но, если ты попросишь отдельную комнату под кофе, мне придётся выгонять тебя морально.

Рыжий прыгнул на стул, вытянулся и ткнул лапой в угол кухни, где стояла полка с банками и коробками, а потом снова мякнул, будто объяснял, что ему нужен не дворец, а территория. Борис, словно переводчик, без эмоций добавил в голове.

«Вадим требует кофейный уголок. Зона хранения, инструменты, порядок. В противном случае функционал снижается».

Анна уставилась на полку, на свои банки с гречкой, на коробку с чайными пакетиками, на пакетик корицы, который она купила и забыла, и вдруг почувствовала, что это требование не такое уж страшное. Кофейный уголок звучал как что-то, что сделает кухню уютнее, а уют в её квартире давно был только в растениях и в лампе. Она кивнула сама себе и начала писать дальше, стараясь не утонуть в деталях, но и не оставить всё расплывчатым.

— Пункт четвёртый. Зоны. Кухня общая, но я устанавливаю правила. Стол используется по согласованию. Моя спальня закрыта, если я не разрешила. Ванная моя, и это не обсуждается, потому что иначе я сойду с ума.

Сергей пошевелил хвостом, словно соглашался с пунктом про ванную, потому что он видел, как Анна туда сбегала, и это было неприятно осознавать, что даже коты знают её слабые места. Анна быстро дописала пункт про тишину ночью, про то, что ей нельзя мешать во время работы, и про то, что любые попытки вмешиваться в её личные разговоры с людьми запрещены. Она остановилась, посмотрела на бумагу и поняла, что пишет не про котов, а про свои границы, которые она раньше не оформляла даже в голове, а теперь вынуждена формулировать вслух и на бумаге.

Борис в голове снова проявился, ровный и упрямый.

«Отсутствует пункт о сроках. Договор должен иметь критерии исполнения. Иначе обмен бесконечен».

Анна сглотнула, потому что слово «бесконечен» внезапно прозвучало не страшно, а почти соблазнительно, как если бы бесконечное присутствие могло заменить ей ту пустоту, к которой она привыкла. Ей стало неприятно от этой мысли, потому что она не хотела зависеть, ни от людей, ни от котов, ни от кофе, ни от охраны у двери. Она подняла глаза и сказала медленно, выбирая слова так, чтобы они были честными и не разрушили её.

— Сроки будут такие. Вы здесь, пока выполняете обмен, но обмен должен быть разумным, не превращать меня в объект обслуживания и не превращать вас в мебель. Если я почувствую, что это ломает мою жизнь, мы будем пересматривать условия.

Борис помолчал, и Анна почти физически ощутила его недовольство расплывчатостью, но он всё же ответил внутри.

«Формулировка принята как временная. Рекомендация: уточнить позже. Сейчас зафиксировать текущий регламент и подписи».

Анна фыркнула, потому что подписи с котами выглядели как вершина абсурда, но после Максима и его пьяного «ты всегда драматизируешь» абсурд котов показался ей честнее. Она провела ручкой внизу листа, оставила место под свою подпись и вдруг задумалась, как вообще кот может подписаться. Вадим, словно почувствовав её мысль, ткнул лапой в чернильную ручку, потом посмотрел на неё и тихо мурлыкнул, как будто предлагал решение проще. Сергей поднялся, подошёл ближе и поставил лапу на край бумаги, оставив на белом листе чёткий отпечаток тёмной подушечки, будто печать. Анна замерла, потом медленно улыбнулась, потому что это было настолько прямолинейно, что даже красиво.

— Ладно, печать лапой принимается, потому что я не буду заставлять вас учиться писать, иначе это закончится тем, что Борис устроит мне экзамен.

«Экзамен не запрашивался», сухо заметил Борис, и Анна поняла, что улыбка на её лице стала настоящей, не защитной.

Она подписала лист своей подписью, не торопясь, аккуратно, как будто подписывала не бумажку с смешным названием, а соглашение с тем, что её жизнь теперь меняется. Рыжий,

не дожидаясь инструкций, мягко прижал лапу к бумаге рядом с подписью, оставив светлый отпечаток, и тут же потёр лапу о коврик, словно ему было важно не испачкать кухню. Сергей оставил вторую метку рядом, как охранник, который подтверждает присутствие, и Анна неожиданно почувствовала, что этот лист делает её спокойнее, потому что хаос превращается в правило, когда его записывают.

В голове прозвучал голос Бориса, ровный и удовлетворённый, как итоговый отчёт.

«Договор зафиксирован. Режим работы требуется. Предлагаю график: утро кофе в 6:30, дневной контроль порядка, вечерняя проверка двери».

Анна посмотрела на часы, потом на рыжего, потом на чёрного, и вдруг поняла, что впервые за месяц у неё нет желания спорить до хрипоты. Она устала спорить с людьми, которые не слышат, а с котами спорить было странно, но хотя бы честно, потому что они не обещали завтра и не исчезали в момент оплаты. Она встала, убрала бумагу в прозрачный файл, который нашла в шкафчике, и положила файл на полку рядом с квитанциями, как будто хотела, чтобы этот договор стоял рядом со всем, что держит её квартиру на плаву.

Вечер постепенно стал тише. Сергей вернулся к своему посту у коридора, устроился так, чтобы видеть дверь, и его присутствие рядом с входом почему-то согревало сильнее, чем батарея. Вадим занялся своим кофе-уголком, аккуратно переставляя банки и коробки так, что на полке неожиданно появился порядок, и Анна ловила себя на том, что ей приятно смотреть, как кто-то наводит уют, не требуя похвалы и не критикуя. Борис сидел у стола и словно наблюдал за всем с внутренней таблицей, но его наблюдение не давило, оно как будто поддерживало структуру.

Анна выключила свет на кухне, оставив только мягкую подсветку, прошла в комнату и остановилась у кровати. Внутри у неё ещё шевелились остатки тревоги, потому что слишком многое произошло за сутки, но поверх тревоги лежало новое ощущение, что дверь сегодня не распахнётся от пьяного стука, что её не заставят оправдываться за свои границы, что кто-то в этой квартире наконец-то работает так, будто её спокойствие имеет ценность. Она сняла худи, легла под одеяло, почувствовала, как ткань прохладно касается кожи, и услышала в тишине квартиры не пустоту, а ровные бытовые звуки, как дыхание дома, который перестал быть одиноким.

Перед тем как закрыть глаза, Анна подумала, что завтра ей всё равно придётся работать, платить счета и жить, но сегодня она может позволить себе просто заснуть без ожидания очередного удара в дверь. Она повернулась на бок, подтянула одеяло к подбородку и впервые за месяц почувствовала, что сон приходит не как бегство, а как отдых, спокойный и заслуженный, потому что хоть кто-то в этом мире наконец-то соблюдает договор.

Глава 4. Первый семейный ужин

Вечер пришёл в квартиру не торжественно, а по-домашнему, с тихим гудением батареи и редкими звуками лифта, который то поднимался, то опускался, будто дом сам проверял, все ли на местах. Анна вернулась из магазина с двумя пакетами, где шуршали макароны, курица, помидоры, кусок сыра и маленькая коробочка с пирожными, купленная не по плану, а потому что ей вдруг захотелось доказать себе, что она умеет делать приятное без повода. На пороге она машинально оглянулась, ожидая тишины одиночества, но вместо тишины увидела Сергея, чёрного, огромного, сидящего у входа как уставший, но внимательный постовой, и от этого у неё внутри шевельнулось странное спокойствие, похожее на привычку, которую ещё вчера она бы назвала невозможной.

Она разулась, повесила куртку и поймала себя на том, что говорит в пустоту так же естественно, как раньше говорила растениям.

— Я принесла еду, и если вы снова решите, что это общий ресурс, то предупреждаю, курицу я делить не буду, потому что мне тоже надо жить.

Сергей поднял голову и посмотрел на пакеты, затем на Анну, после чего коротко выдохнул, почти беззвучно, и отступил на полшага, освобождая ей путь на кухню, как будто признавал её право распоряжаться территорией. Это было настолько аккуратно, что Анна чуть не сказала спасибо вслух, но удержалась, потому что у неё внутри ещё жило упрямство не выкатывать к хорошему слишком быстро.

На кухне было тепло, лампа над рабочей поверхностью давала мягкий свет, а растения на подоконнике стояли в своём зелёном строю, словно ждали отчёта о текущем дне. Борис сидел у стола, неподвижный и собранный, и на секунду Анне показалось, что он даже выглядит как бухгалтер в командировке, только в шерсти. Вадим устроился на стуле и смотрел на пакеты с таким азартом, будто внутри не продукты, а праздничный набор для кофейной дегустации.

— Сегодня будет ужин, нормальный, человеческий, и я не планирую превращать это в шоу, поэтому прошу, не мешайте мне хотя бы первые десять минут.

Анна разложила покупки, включила воду, помыла руки, достала разделочную доску, и ей понравилось, как привычные движения возвращают в тело порядок. Она нарезала помидоры, лук, поставила сковороду, и кухня стала звучать рабочими звуками, которые всегда её успокаивали. На стол она постелила скатерть, ту, что лежала на верхней полке и пахла шкафом, и хотела уже махнуть рукой на складки, но в этот момент Борис поднялся и подошёл ближе так спокойно, будто это было заранее запланировано.

Он коснулся скатерти хвостом, и Анна уже ждала знакомого чуда, но чудо сегодня выглядело иначе. Хвост не просто разгладил ткань, он сделал это медленно, ровно, аккуратно, словно Борис считал каждую складку задачей, которую нельзя оставлять на потом. Скатерть расправилась, края легли ровно, и от этого у Анны внутри стало чуть тише, потому что тишина иногда начинается с того, что вещи на своих местах.

Вадим спрыгнул со стула и мягко прошёл к своему кофейному уголку, который за эти дни действительно появился, потому что Анна выделила ему полку и банку под сахар, и теперь всё там стояло так аккуратно, что ей было даже приятно смотреть. Он деловито обнюхал пачку зёрен, открыл её лапами, как будто это было самой естественной вещью на свете, и Анна, не поднимая головы от доски, сказала устало, но уже без паники.

— Только не начинай прямо сейчас, кофе будет к десерту, так по-человечески принято.

И в этот момент в кухне прозвучал голос, настоящий, не в её голове, не в виде мысли, а в воздухе, низкий, ровный, с короткими паузами, словно слова выдавали по карточкам.

— Принято. Кофе к десерту.

Анна замерла с ножом в руке, дыхание у неё сбилось, и первая мысль была, что это сказал сосед за стеной, но голос звучал слишком близко, слишком точно, и по тону он был таким, каким у Бориса были мысли. Она медленно подняла глаза и увидела, что серый кот смотрит на неё спокойно, а рот у него слегка приоткрыт так, будто он только что произнёс фразу и сам не видит в этом ничего особенного.

— Ты сейчас... ты сейчас сказал это вслух.

— Да, подтвердил правило, потому что правило зафиксировано, а подтверждение снижает хаос, — произнёс Борис, и в его голосе было то же самое бухгалтерское спокойствие, которое раньше звучало у неё в голове.

Анна почувствовала, как по коже пробежали мурашки, и не от страха даже, а от того, что реальность снова сделала шаг дальше, а она ещё не успела привыкнуть к предыдущему. Она хотела возразить, хотела сказать, что коты не говорят, что так не бывает, что это ломает все законы, но в этот момент Вадим, не выдержав, вмешался своим голосом, неожиданно тёплым и чуть хрипловатым, будто он смеялся внутри слов.

— Ань, ну ты чего, это же просто голос, не взрыв, не паника, давай ты не будешь резать лук как врага народа, а то слёзы потом спишешь на магию.

Анна моргнула несколько раз, потому что от Вадима она ожидала мурлыканья и наглых жестов, но не разговорного трёпа, как у баристы, который звучал так, будто он работал в кофейне и привык общаться с людьми. Нож в её руке дрогнул, и она аккуратно положила его на доску, чтобы не устроить себе травму на фоне философии.

— Остановитесь оба, потому что мне нужно понять, что происходит, и почему у меня дома коты разговаривают, как будто, так и было задумано.

Сергей, который стоял у порога кухни и следил за коридором, повернул голову и коротко, очень спокойно сказал, будто ставил печать на факте.

— Говорим. Нужно понимать друг друга.

Анна уставилась на него, потому что его голос был низким и коротким, как шаги по лестнице, и в этом голосе не было ни шутки, ни желания понравиться. Она почувствовала, как у неё внутри поднимается напряжение, потому что трём котам говорить вслух означало, что ей придётся отвечать, а отвечать означало признать их не просто присутствием, а собеседниками.

Она вернулась к готовке, потому что готовка была её спасательным кругом, и если она продолжит резать, мешать, жарить, то не утонет в мыслях. Сковорода зашипела, курица пошла в масло, запах лука и специй наполнил кухню, и Анна поймала себя на том, что ей нравится, как коты не мешают, а действительно помогают, каждый в своей роли. Борис поправлял край скатерти, проверял, чтобы ложки лежали ровно, и один раз даже аккуратно передвинул салфетки так, что они стали выглядеть празднично, хотя Анна не планировала праздник. Вадим молча ставил чашки, выбирая те, что лучше держат тепло, и Сергей стоял у двери кухни, как будто охранял их маленький островок.

Анна поставила кастрюлю с водой, насыпала макароны, и когда вода закипела, почувствовала, что усталость дня отступает, потому что ужин — это всегда маленькое доказательство, что ты живёшь. Она вытерла руки о полотенце и сказала, пытаясь звучать строго, как хозяйка, а не как человек, у которого в доме внезапно образовалась стая.

— Раз вы теперь говорите, тогда слушайте. Я не хочу, чтобы вы обсуждали мои личные вещи, мои переписки, мои разговоры, и я не хочу, чтобы вы лезли мне в голову без необходимости.

— Мы не обсуждаем личное, — ровно ответил Борис.

— Мы обсуждаем только важное, например, чтобы ты поела, — добавил Вадим, и в его тоне была улыбка.

Сергей коротко кивнул и сказал одну фразу, которая почему-то ударила в Анну неожиданно мягко.

— Дверь в доме охраняю.

Ей стало неловко от того, что ей приятно это слышать, и неловкость быстро превратилась в раздражение, потому что раздражение привычнее, оно как старое худи, в котором можно спрятаться. Анна резко поставила крышку на кастрюлю, чуть громче, чем надо, и почувствовала, как внутри нарастает напряжение от слишком правильного вечера, потому что слишком правильное всегда вызывает ожидание удара.

— Вы ведёте себя так, будто это нормально, будто вы семья, а я должна привыкнуть, и знаете, что, я не обязана привыкать, потому что вы не люди.

Она сказала это сначала громко, потом почти выкрикнула, и в кухне на секунду стало очень тихо.

— Вы не люди!

У неё дрожал голос, и она ненавидела, что дрожит, потому что дрожь выдаёт, что ей страшно не из-за котов, а из-за того, что ей хорошо, а значит, потом может быть больно. Она ждала, что коты возразят, что Вадим начнёт шутить, Борис начнёт объяснять формулировками, Сергей скажет что-то резкое, но ничего этого не произошло.

Борис просто продолжил разглаживать скатерть там, где она чуть съехала. Вадим спокойно поставил на плиту турку, как будто услышал не крик, а напоминание о времени кофе. Сергей снова повернул голову к коридору и прислушался к дому, словно для него человеческие слова были шумом, а реальная угроза всегда приходит с лестницы.

Анна стояла посреди кухни, чувствуя себя глупо, потому что крик, который не вызывает реакции, возвращается обратно в горло, как плохо проглоченный ком. Ей хотелось продолжить, хотелось доказать, что она права, что это абсурд, что так нельзя, но коты молчали и работали, и от этого молчания ей стало стыдно, потому что они не защищались и не нападали, они просто делали то, что обещали.

Она отвернулась к плите, помешала курицу, хотя она и так уже была почти готова, и почувствовала, как злость начинает выдыхаться. Внутри осталось только пустое раздражение на себя, на Максима, на жильцов, на жизнь, на то, что ей приходится учиться принимать помощь. Борис тихо сказал, уже без сухой официальности, и от этой мелочи у Анны на секунду сжалось в груди.

— Вы устали. Ужин нужен.

Вадим не выдержал серьёзности и добавил своим бодрым тоном, но уже аккуратно, без давления.

— Давай так, ты покричала, мы услышали, мы всё равно рядом, а теперь еда, потому что на голодный желудок мир всегда кажется враждебнее.

Сергей сказал одно слово, как точку.

— Садись.

Анна поставила тарелки на стол, выложила макароны, сверху курицу с соусом, поставила салат, и вдруг увидела, как странно выглядит эта сцена. На кухне, где раньше была только она и растения, теперь стоял стол, накрытый ровно, чашки, салфетки, и три кота, которые говорили и при этом не делали вид, что они люди, они оставались котами, просто с обязанностями. Анна села, взяла вилку, и первая вилка еды показалась ей неожиданно вкусной, потому что вкус усиливается, когда не ешь в одиночестве, даже если рядом не люди, а то, что не укладывается в привычный мир.

Некоторое время они ели молча, если это можно было назвать едой со стороны котов, потому что Вадим явно больше был занят кофе, чем курицей, Борис ел аккуратно, почти без звука, а Сергей держался так, будто даже во время ужина нельзя терять контроль над дверью. Анна смотрела на них и пыталась понять, что именно в ней меняется, и поняла только одно, что ей хочется, чтобы вечер не ломался.

После основного блюда Анна достала пирожные, поставила на маленькую тарелку и подумала, что это выглядит почти празднично, хотя праздник у неё в голове был запрещён без причины. Вадим как раз закончил кофе и поставил три чашки, потом посмотрел на Анну и спросил так, будто это обычный бытовой вопрос.

— Сладкое под что хочешь, под латте или под американо, потому что пирожное любит поддержку.

— Под то, что ты уже сделал, — буркнула Анна, но в голосе у неё уже не было крика, только усталость.

Борис посмотрел на чашки и произнёс ровно, но с каким-то странным оттенком гордости, который он пытался спрятать.

— Пенку сделал стабильно. Рисунок симметричный.

— Ага, — ухмыльнулся Вадим, — главное, чтобы ты сейчас не потребовал акт приёмки по пенке, а то я начну брать оплату эмоциями.

Сергей, который до этого молчал, вдруг коротко вставил, глядя в сторону коридора, будто говорил о чём-то очевидном.

— Сериалы лучше без разговоров.

Анна подняла взгляд, потому что слово сериалы прозвучало так неожиданно словно в быту, что она даже не сразу поняла, что услышала.

— Какие ещё сериалы, вы вообще... вы их смотрите?

Борис ответил первым, сухо, как будто говорил о статистике.

— Фиксировал ваш просмотр. Вы включали вечером. Повторяющиеся сюжетные линии. Низкая эффективность персонажей.

Вадим возмутился сразу, ярко и живо, будто у него задела любимую кофемашину.

— Ну конечно, низкая эффективность, потому что ты смотришь как бухгалтер, а надо смотреть как человек, там же эмоции, там же интрига, там же когда они наконец-то говорят правду, это как хороший эспрессо после тяжёлого дня.

Сергей повернул голову и произнёс так, будто подводил итог без права на спор.

— Враньё.

Вадим фыркнул.

— Вот, вот, он за короткие сцены, чтобы сразу по делу, а я за атмосферу, потому что если без атмосферы, то зачем жить.

Борис спокойно добавил, не повышая голоса.

— Атмосфера допустима, если не нарушает график сна. Вы включаете серии слишком поздно. Потом снижена продуктивность.

Вадим посмотрел на Анну, будто искал поддержку, и сказал с наигранной обидой.

— Слышишь, он уже составил тебе отзыв на твою привычку смотреть до двух ночи, а я говорил, что этот серый однажды заведёт нам таблицу удовольствий.

Сергей коротко, почти невозмутимо добавил.

— Таблица полезна.

Анна смотрела на них, и внутри у неё что-то сдвинулось. Они спорили не о магии и не о том, кто кому должен, они спорили о сериалах, как спорят люди на кухне после ужина, когда уже тепло, когда уже можно позволить себе быть немного смешными. Борис говорил сухо и раздражающе логично, Вадим отстаивал вкус и атмосферу, Сергей рубил короткими фразами, будто охранял смысл. И Анна вдруг услышала собственный смех, сначала короткий, не верящий, потом чуть громче, настоящим тёплым звуком, которого она не слышала от себя давно.

— Господи, вы как три соседа, которые нашли телевизор и теперь делят пульт, — сказала она, смеясь, и сама удивилась, что сказала это без злости.

Борис посмотрел на неё и произнёс так, будто фиксировал факт, но в этом факте было что-то мягкое.

— Смех снижает стресс. Эффект положительный.

Вадим победно мурлыкнул и добавил, подмигнув так, что у кота это выглядело смешно.

— Видишь, мы работаем, даже когда спорим, семейный сервис, без выходных.

Сергей коротко хмыкнул и сказал, как охранник, который не любит лишние слова, но признаёт момент.

— Тихо хорошо.

Анна допила кофе, посмотрела на ровную скатерть, на аккуратно убранную посуду, которую Борис уже начал складывать, на Вадима, который протирал свой уголок, и на Сергея у двери, и впервые за долгое время почувствовала, что кухня стала местом не только для выживания, но и для жизни. Она не была готова назвать это семьёй, это слово всё ещё пугало, но смех остался у неё в груди тёплой крошкой, которую не хотелось стряхивать.

После кофе в квартире стало тише, но это была не та тишина, от которой у Анны звенело в ушах, а тишина, в которой слышно, как дом просто живёт. Борис собрал тарелки и поставил их в раковину так аккуратно, будто каждая ложка имела своё место в мире, Вадим протёр столешницу и сдвинул банку с корицей на самый видный край полки, словно корица была важным аргументом в пользу хороших вечеров, а Сергей снова занял позицию у коридора, сидя вполоборота к двери, как человек, который не расслабляется даже после удачного дня. Анна поймала себя на том, что не торопится убежать в комнату и закрыться, потому что сегодня кухня не требовала от неё защиты, кухня, наоборот, держала её на плаву.

Она встала, подошла к подоконнику и проверила растения, будто это был старый ритуал, который нельзя отменять даже когда в квартире три говорящих кота. Толстянка блестела листьями, фикус выглядел важным, монстера тянулась к свету, и Анна тихо сказала, больше для себя, чем для зелёной команды.

— Видели, да, теперь у нас тут семейный совет по сериалам, и я даже не знаю, радоваться или писать заявление в реальность.

Вадим отозвался сразу, бодро, как будто это был его любимый формат разговора.

— Радоваться, конечно, потому что у тебя сегодня был ужин без нервов, а это уже почти праздник, только без шариков и неловких тостов.

Борис поднял голову и ровно уточнил, как всегда.

— Праздник требует повода. Повод фиксируется. Сегодня поводом была стабильность.

Сергей коротко добавил, не оборачиваясь от двери.

— Спокойно. Значит правильно.

Анна усмехнулась и почувствовала, как внутри у неё снова поднимается смех, но теперь он был тихий и тёплый, без защиты и без злости. Она обернулась к столу, увидела их троих и вдруг поняла, что ей хочется сказать простое человеческое спасибо, но слово застряло, потому что Анна давно не привыкла благодарить за то, что не просила. Она постояла секунду и всё же произнесла, стараясь звучать спокойно.

— Ладно, я не готова к большим словам, но вы сегодня не испортили мне вечер, и это уже много.

Вадим мурлыкнул так, будто это была высшая похвала.

— Слышали, мы официально не испортили, это надо записать и повесить на холодильник, чтобы Борис потом не сказал, что нет доказательств.

Борис посмотрел на него и ответил без раздражения, но твёрдо.

— Доказательства есть. Анна смеялась. Это редкое событие. Его следует закрепить режимом.

Сергей чуть повернул голову и сказал тихо, как предупреждение самому дому.

— Завтра тоже будет.

Анна выдохнула, выключила кухонный свет и оставила только мягкую подсветку, чтобы листья на подоконнике не исчезали в темноте. Она прошла в коридор, на секунду задержалась у двери и услышала за ней обычные подъездные звуки, шаги, лифт, далёкие голоса, но тревога не поднялась, потому что рядом сидел Сергей и его присутствие было как замок, который не ломается. Анна вернулась в комнату, легла на кровать и впервые за долгое время не прокручивала в голове, кто ей должен и что ей снова придётся доказывать. На кухне тихо звякнула ложка, Вадим что-то мурлыкнул себе под нос, Борис ровно сказал, что свет надо выключить полностью, и Анна улыбнулась в подушку, потому что это было обычное, почти смешное, и в этом обычном вдруг оказалось больше жизни, чем в её прежней пустой тишине.

Глава 5. Мама приезжает в гости

Утро началось почти нормально, и это было подозрительно, потому что теперь Анна знала, что в её квартире «почти нормально» означает, что через десять минут случится что-то, от чего придётся держаться за дверной косяк. Она проснулась раньше будильника, потому что организм уже привык к запаху кофе как к сигналу, что жизнь началась и отступать некуда, и этот запах действительно пришёл с кухни ровно, аккуратно, без горечи. Анна лежала, слушая, как в коридоре тихо поскрипывает ламинат под мягкими шагами, и пыталась убедить себя, что это всё ещё сон, но сон давно перестал бы держать такой бытовой ритм, как у Вадима.

Она встала, накинула худи, прошла в кухню и увидела привычную уже картину, от которой ей одновременно хотелось улыбнуться и нервно выругаться. Вадим стоял у своего кофейного уголка, хвост у него едва подрагивал от концентрации, лапы работали ловко, и кофе пах так, будто кто-то специально договаривался с утренним воздухом, чтобы тот не был враждебным. Борис сидел у стола и смотрел на список дел, который Анна вчера записала на листке, как будто этот список был бухгалтерским документом, требующим подписи и печати. Сергей стоял у коридора, ближе к входной двери, и его спокойная массивность была как напоминание, что дом теперь охраняется даже тогда, когда хозяйка не успела проснуться до конца.

Анна взяла кружку, сделала глоток и почувствовала тепло, которое всегда растекалось по груди слишком приятно, чтобы ей не хотелось подозревать подвох. Она собиралась сказать что-то привычно язвительное, чтобы не расслабляться, когда телефон завибрировал на столе, и эта вибрация прозвучала как тревога. Анна посмотрела на экран и увидела «Мама».

Всё внутри сразу сжалось. Не потому, что мама была врагом, а потому что мама была проверкой. Мама приезжала не в гости, мама приезжала убедиться, что Анна живёт правильно, а правильно, по маминому мнению, означало без зелёного хаоса на подоконнике, без работы по ночам, без одиночества и без странных идей вроде сдачи комнаты «в обмен на что угодно».

Анна приняла вызов, стараясь говорить ровно, хотя сердце уже ускорилося.

— Мам, привет.

— Привет, Анечка, я тут рядом, думаю заехать, проверить, как ты там одна, а то ты что-то голосом уставшая вчера была, я всё равно сегодня в Москве по делам, мне не сложно.

Анна закрыла глаза на секунду и почувствовала, как в голове вспыхивает паника, потому что «я тут рядом» в мамином исполнении означало, что рядом она уже в электричке или в такси.

— Мам, у меня работа, у меня дедлайны, я не очень...

— Вот поэтому и заеду, ты совсем себя загоняешь, я на четыре часика, чай попьём, я тебе супчик привезла, ты же не ешь нормально, я знаю.

Анна открыла глаза и увидела, как Вадим замер с туркой, Борис поднял голову, Сергей повернул ухо в сторону телефона, будто слышал чужой голос через пластик. Мама продолжала говорить, не замечая, что сейчас в квартире начинается не семейная, а оперативная ситуация.

— Мам, подожди, ты прямо сейчас едешь?

— Конечно, а когда ещё, я уже выехала, минут сорок и я у тебя, не переживай, я позвоню в домофон.

Анна закончила разговор на слишком бодрой ноте, которая всегда выдаёт, что она на грани.

— Хорошо, давай, я... я буду.

Она положила телефон на стол и несколько секунд просто смотрела на кружку, будто в кружке могли появиться инструкции по прятанью трёх говорящих котов от собственной матери. Потом подняла взгляд на котов, и в голосе у неё прозвучала такая усталость, что она даже не пыталась смягчить.

— У нас проблема. Через сорок минут будет мама.

Вадим первым отреагировал так, будто это новость о проверке санэпидемстанции в кофейне.

— О, мама, это серьёзно, это тот уровень, где улыбка должна быть идеальная и пыль должна бояться тебя.

Борис сказал ровно, как всегда, но в его ровности появилась скорость.

— Требуется план. Четыре часа присутствия. Риск выявления аномалий высокий.

Сергей произнёс коротко, и от его короткости стало только тревожнее.

— Спрятать.

Анна провела ладонью по лицу и почувствовала, что ладонь холодная, хотя в кухне тепло.

— Мне не надо, чтобы вы обсуждали степень риска, мне надо, чтобы вы исчезли из маминого поля зрения, потому что, если мама увидит говорящих котов, она либо вызовет врача мне, либо священника, либо то и другое, а я не выдержу.

Вадим уже спрыгнул со стула и оглядывался, как будто выбирал место для сцены.

— Я могу быть обычным котом, я умею изображать обычного кота, я вообще талантливый.

— Ты не умеешь быть обычным, ты варишь латте лапами, и у тебя язык быстрее моего терпения, так что нет, — отрезала Анна, и сама удивилась, как быстро у неё включился командный тон.

Борис поднялся и подошёл к столу, будто готовился составлять регламент прямо сейчас.

— Предлагаю распределение. Сергей в шкаф. Он массивный, но статичен. Вадим под стол, ближе к кофейному уголку, но без визуального контакта. Я в спальню, под кровать или в ящик, поскольку я минимально шумный.

Сергей посмотрел на Бориса тяжело, как на человека, который предлагает ему работу без оплаты.

— В шкафу тесно.

Анна почувствовала, как по нервам проходит дрожь, потому что они спорят, а времени мало.

— Сергей, пожалуйста, я прошу, это не навсегда, это на четыре часа, и, если ты не влезешь в шкаф, мама спросит, почему у меня в коридоре сидит чёрная гора с глазами, а я не хочу отвечать на этот вопрос.

Сергей фыркнул, но поднялся и пошёл в коридор, как человек, который согласился на неприятный приказ, потому что это приказ важный. Вадим прыснул, но быстро взял себя в лапы.

— Ладно, я под столом, только ты мне оставь доступ к воде и к кофе, потому что, если она попросит, а я не смогу, это будет провал операции.

— Она попросит кофе, — сухо подтвердил Борис. — Вероятность девяносто процентов.

Анна махнула рукой и пошла по квартире, одновременно убирая всё, что могло выглядеть подозрительно. Подозрительным теперь было всё. Она сдвинула кошачьи миски за холодильник, убрала подальше лист «Аренда хвостом», потому что мама читала глазами быстрее, чем Анна успевала оправдываться. Она сгребла в ящик странные аксессуары Вадима, вроде маленького вспенивателя и мерных ложек, и закрыла ящик так решительно, будто запирала там магию.

В коридоре Сергей уже пытался устроиться в шкафу, и это выглядело как попытка спрятать в пенале школьный рюкзак. Шкаф поскрипывал, дверь не хотела закрываться, шерсть цеплялась за полку, и Анна на секунду почувствовала себя злой и бессильной.

— Сергей, пожалуйста, вот так, голову чуть ниже, хвост под себя, да, я понимаю, что это унижительно, но маме нельзя тебя увидеть.

Сергей посмотрел на неё и сказал тихо, будто предупреждал.

— Если откроет, я не виноват.

— Если откроет, я виновата, потому что это моя мама, — процедила Анна и наконец закрыла дверь шкафа так, чтобы она держалась на щелчке.

Борис исчез в спальне, выбрав, как сообщил сухо, «оптимальную позицию», и Анна очень старалась не думать о том, что её взрослую жизнь теперь поддерживают коты, прячущиеся по углам. Вадим устроился под кухонным столом, и Анна увидела, как его рыжий хвост аккуратно свернулся вокруг лап, чтобы не торчать наружу.

— Если ты высунешься и скажешь маме привет, я тебя морально утоплю в раковине, — предупредила Анна.

— Я тихий как бархат, — шепнул Вадим, и тут же добавил уже без звука, только губами, будто тренировался быть обычным.

Анна вдохнула, выдохнула, проверила зеркало, поправила волосы, включила на телефоне уведомления, чтобы мама не увидела всплывающие сообщения, и в этот момент домофон зазвонил. Звонок был резкий, уверенный, мамин. Анна подошла, нажала кнопку и сказала так, будто у неё действительно нормальное утро.

— Да, мам, поднимаешься?

— Поднимаюсь, открывай.

Через минуту в дверь позвонили уже физически, и Анна распахнула её, натянув улыбку, которая обычно держалась на привычке, а сегодня держалась на страхе. Мама вошла сразу с пакетами, с кастрюлькой супа, завернутой в полотенце, и с тем самым взглядом, которым она одновременно любила и проверяла.

— Ну здравствуй, моя хорошая, дай обниму.

Анна обняла маму, стараясь не думать о том, что в шкафу прямо рядом с ними сидит огромный чёрный кот, который может дышать слишком громко. Мама прошла в коридор, оглядела обувь, полку, квитанции, и Анна почувствовала, как у неё напрягаются плечи.

— Ты одна, да, никого нет?

— Одна, конечно, — ответила Анна слишком быстро, потом исправилась спокойнее. — Никого нет, кроме меня и растений. — Растения твои я уже вижу, — мама улыбнулась, но улыбка была такая, что Анна сразу поняла, что будет комментарий.

— Ты бы лучше мужчину завела, чем этот ботанический сад.

Анна изобразила смешок и повела маму на кухню, молясь, чтобы Вадим под столом не решил отреагировать на слово мужчина каким-нибудь шутивным фырканьем. Мама села за стол и тут же начала привычный осмотр пространства, как санитарная комиссия в одной голове.

— Ой, а у тебя тут чисто, ты что, убралась?

— Да, — ответила Анна, и в этот момент очень захотела добавить «потому что у меня в доме бухгалтер», но она проглотила слова.

Мама поставила на стол кастрюльку и вздохнула с довольством.

— Я супчик привезла, куриный, как ты любишь, будешь нормально есть, а то ты худеешь, как палочка, тебе нельзя так. Анна кивала, улыбалась и одновременно слушала, нет ли звуков из шкафа. Шкаф молчал, но молчание у Сергея было не нежное, а дисциплинированное. Мама сняла крышку с кастрюльки, запах супа наполнил кухню, и Анна подумала, что это даже приятно, если бы не тот факт, что она сейчас сидит на пороховой бочке абсурда.

— Я вообще-то хотела кофе, — сказала мама так, как будто это не просьба, а часть обязательной программы. — Ты мне сварить?

Анна напряглась, потому что обычный её кофе был либо слишком крепким, либо слишком кислым, а мама всегда умела морщиться так, что Анна чувствовала себя девочкой. Она повернулась к кофейному уголку, и в этот момент под столом еле слышно шевельнулась тень.

— Конечно, сейчас, — сказала Анна и сделала вид, что ищет турку.

Под столом Вадим тихо шепнул, почти без дыхания.

— Не трогай, я сделаю, просто держи лицо.

Анна не ответила, потому что отвечать вслух было нельзя. Она поставила чашку перед мамой, включила чайник для вида и заняла руки ложкой, чтобы не дрожали. Вадим под столом двигался так аккуратно, что со стороны это выглядело, будто Анна просто возится с кофейной пачкой. На самом деле через минуту на столе появился кофе, и Анна понятия не имела, как, потому что турку она не включала, но чашка дымилась.

— О, пахнет хорошо, — мама удивилась и взяла чашку. — Ты что, наконец-то научилась?

— Практика, — выдавила Анна и улыбнулась так, чтобы не выглядеть виноватой.

Мама сделала глоток и довольно кивнула, и Анна почувствовала, как по позвоночнику проходит облегчение. Вадим под столом тихо мурлыкнул, но мурлыкнул так, что это можно было принять за шум холодильника, если не знать.

Мама начала говорить о делах, о здоровье, о том, что Анна мало бывает на улице, о том, что в её возрасте пора бы уже определяться, и Анна слушала вполуха, потому что внимание всё время уходило на контроль территории. Она следила, чтобы мама не пошла в спальню, где скрывался Борис, и не подошла к шкафу, где был Сергей. Мама тем временем решила помочь, потому что мама помогала так, что после помощи нужно было всё переделывать.

— Давай я тебе окна протру, а то у тебя тут разводы, ты же одна, тебе сложно.

— Мам, не надо, пожалуйста, — Анна сказала мягко, но внутри у неё щёлкнуло. — Я сама.

— Да что ты сама, ты вечно сама, — мама вздохнула и поднялась. — Я хоть посмотрю, как ты живёшь.

Анна тут же пошла следом, стараясь выглядеть как заботливая дочь, а не как человек, который охраняет секретный объект. Мама прошла по коридору и остановилась у шкафа. Анна почувствовала, как у неё в горле пересохло.

— А это что у тебя, ты давно разбирала? Тут у тебя всё завалено.

— Мам, там верхняя одежда и коробки, не трогай, там всё рухнет, — быстро сказала Анна и встала так, чтобы закрыть шкаф собой.

Мама посмотрела на неё подозрительно, как будто считывала ложь по напряжённым плечам.

— Ты что, прячешь там кого-то?

Анна засмеялась слишком резко.

— Кого, мам, я одна.

Из шкафа донёсся едва заметный низкий звук, похожий на глухое недовольство, как будто кто-то внутри очень хочет выругаться. Мама подняла брови.

— Это что было?

Анна мгновенно нашла объяснение, потому что мозг в панике начинает работать быстрее.

— Домовые трубы. У нас тут всё скрипит, ты же знаешь.

Мама не выглядела убеждённой, но отвлеклась на подоконник, увидела фикус и начала читать Анне лекцию про пыль на листьях. Анна кивала, гладила листья влажной тряпочкой, и в этот момент из спальни раздался тихий шорох, будто что-то сдвинули. Анна почувствовала, как у неё внутри поднимается ужас, потому что Борис мог решить, что надо поправить покрывало, а мама может услышать.

— Мам, пойдём на кухню, я тебе покажу, что я купила, — быстро сказала Анна и потащила маму обратно, будто ей срочно нужно поделиться важной новостью.

На кухне мама снова села и начала расспросы, которые Анна знала наизусть. Она спрашивала про работу, про деньги, про то, почему Анна не ищет офис, про то, почему Анна «вечно одна», и Анна отвечала коротко и спокойно, хотя внутри ей хотелось спрятаться под стол рядом

с Вадимом. Вадим тем временем из-под стола умудрился сварить ещё одну чашку, на этот раз для Анны, и Анна, не глядя вниз, взяла её так, будто это она сама себе налила.

— Ты чего такая бледная, — мама прищурилась. — Ты не заболела?

— Нет, просто недосып, — сказала Анна, и это была правда, только мама не знала, что недосып теперь связан не только с работой, но и с тем, что в её квартире живёт магия под столом.

В какой-то момент мама решила, что ей нужно в туалет. Анна чуть не вскочила, потому что ванная была безопасной, но коридор был опасным, и мама может снова остановиться у шкафа. Мама вышла, и Анна услышала, как Сергей внутри шкафа тихо двинулся, как будто готовился к обороне.

— Сергей, пожалуйста, не делай ничего, — прошептала Анна почти без звука, не понимая, кому именно она это говорит, коту или вселенной.

Мама вернулась и, к счастью, не тронула шкаф, но зато решила заглянуть в комнату, потому что мама не могла не заглянуть.

— Ань, я посмотрю, как ты спишь, у тебя подушки опять старые, я тебе привезу новые.

Анна почувствовала, как её сердце падает куда-то в носки. В комнате был Борис и, хотя Борис умеет быть тихим, мама умеет замечать всё. Анна опередила её, зашла первой, быстро поправила покрывало и встала у двери так, чтобы мама не прошла глубже.

— Там беспорядок с бумагами, мам, я работаю, не заходи, пожалуйста.

Мама посмотрела на неё и вздохнула, как вздыхает человек, который считает, что ребёнок упрямый.

— Ты всегда всё скрываешь, Анечка, ты как будто живёшь не дома, а в режиме секретности.

Анна улыбнулась и кивнула, потому что это был самый точный мамин диагноз за последние годы.

Четыре часа тянулись как резина, и Анна успела устать так, будто разгружала вагон, хотя на самом деле она всего лишь улыбалась, кивала и охраняла шкаф. Вадим под столом варил кофе, будто это был его личный фронт, Борис, судя по отсутствию звуков, действительно лежал тихо, Сергей выдерживал шкаф, хотя шкаф явно выдерживал его с трудом. Мама в итоге насытилась вниманием, выпила кофе, похвалила суп, погладила Анну по плечу и сказала то, ради чего, видимо, и приезжала.

— Ну вот, я посмотрела, ты вроде живёшь, чисто, кофе научилась делать, значит не пропадёшь, я спокойнее.

Анна проводила её до двери, обняла, пообещала звонить чаще, пообещала есть суп, пообещала всё, что обещают, чтобы мама ушла довольная и не вернулась через час с «я забыла зарядку». Дверь закрылась, щёлкнул замок, лифт загудел, и только когда шаги исчезли, Анна позволила себе медленно выдохнуть.

Она прошла на кухню, ноги у неё подгибались, как после длинного экзамена, и она рухнула на диван в комнате, не снимая худи, не расправляя подушку. Через секунду из-под стола вылез Вадим, шерсть у него была слегка взъерошена, как у человека после смены, из спальни появился Борис с абсолютно спокойным видом, словно четыре часа он просто находился в режиме ожидания, а из шкафа с тяжёлым вздохом выбрался Сергей, и шкаф, кажется, облегчённо скрипнул.

Анна посмотрела на них троих, и голос у неё сорвался на нервный смех, потому что иначе она бы закричала.

— Вы чуть не убили меня сегодня!

Глава 6. Первые границы

После того как мама уехала, квартира ещё долго звенела её присутствием, как чашка, в которую слишком резко поставили ложку и металл всё никак не мог успокоиться. На столе стояла кастрюлька с куриным супом, аккуратно накрытая крышкой, на спинке стула висел мамин шарф, который она забыла и потом, конечно, позвонит через час с тревожным голосом, будто оставила не шарф, а ребёнка. В воздухе держался её парфюм, смешанный с кофе, который Вадим героически варил из-под стола, и от этого вся кухня казалась чужой на пару сантиметров, как бывает после любого семейного визита, когда дом вроде тот же, а стены будто переглянулись и запомнили про тебя лишнее.

Анна лежала на диване, смотрела в потолок и чувствовала себя не просто уставшей, а выжатой до прозрачности. Ей казалось, что если кто-то сейчас попросит у неё ещё хоть одну эмоцию, то внутри ничего не найдётся, кроме тонкой злости и желания завернуться в одеяло лицом к стене. Но завернуться и исчезнуть ей, как выяснилось, уже давно не давали обстоятельства, а теперь и три кота, выбравшиеся на свет после четырёх часов подполья, смотрели на неё так, будто ждали официального разбора полётов.

Вадим первым нарушил тишину, потому что для него тишина вообще была не средой, а досадной технической паузой.

— Я считаю, мы сработали великолепно. Особенно я. Особенно кофе. Особенно в условиях ограниченной манёвренности под столом.

Борис сидел на краю ковра с видом человека, который пережил внеплановую налоговую проверку и теперь готов оформить выводы в трёх экземплярах.

— Оценка великолепно преждевременна. Операция сопровождалась повышенным риском срыва. Сергей из шкафа издал два потенциально выявляемых звука.

Сергей, только что с тяжёлым достоинством освободившийся из коридорного плена, посмотрел на Бориса так, будто в другой ситуации тот уже лежал бы лицом в прихожей.

— Шкаф маленький.

— Ты тоже немаленький, — устало пробормотала Анна, не отрывая взгляда от потолка.

Все трое повернулись к ней сразу, и от этого одновременного внимания ей захотелось накрыться подушкой. Она резко села, откинула волосы назад и посмотрела на них так, как обычно смотрела на переполненный список задач, который уже нельзя откладывать.

— Всё. Хватит. Сегодня мы наконец-то делаем то, что должны были сделать ещё в первый день, когда в мою квартиру начали материализоваться трудовые коты с прошлым.

Вадим оживился мгновенно.

— О, собрание. Люблю собрания, особенно если на них можно принести кофе, и никто не выгонит.

— Ты можешь принести себе молчание, — отрезала Анна. — Я сейчас устанавливаю правила.

Это слово повисло в комнате сразу серьёзнее всего остального. Борис едва заметно выпрямился, будто внутренне одобрял сам факт перехода от хаоса к регламенту. Сергей сел ближе к двери, но повернулся так, чтобы слышать. Даже Вадим перестал выглядеть так, будто готов вот-вот рассказать анекдот про бариста и арендодателя.

Анна встала, прошла на кухню, достала из ящика блокнот, ручку и вернулась обратно, чувствуя себя одновременно смешно и правильно. В её жизни всё слишком часто расплзлось от того, что она надеялась на понимание без озвучивания. Теперь в её квартире были трое существ, которые варили кофе, охраняли двери и гладили скатерти хвостом, и если уж она способна жить при таких вводных, то способна и записать базовые правила сосуществования.

Она села на край дивана, положила блокнот на колени и сказала уже спокойнее, хотя внутри ещё оставалась дрожь после маминого визита.

— Пункт первый. В спальню не лезть. Вообще. Это моя комната. Моё пространство. Если дверь закрыта, значит закрыта. Если открыта, это не значит, что там экскурсия.

Борис кивнул сразу и сухо произнёс:

— Зафиксировано.

Вадим тоже кивнул, но с той интонацией, в которой уже звучала будущая оговорка.

— Ладно, без экскурсии. Но если, например, там горит что-то важное или ты лежишь и драматично умираешь без одеяла, мы обсуждаем исключения.

— Нет, — сказала Анна.

— Но если драматично...

— Нет, Вадим.

Сергей коротко бросил:

— Если опасность, зайду.

Анна на секунду прикрыла глаза. Именно так всё и начиналось. Она устанавливала границу, а они уже искали внутри неё аварийный выход.

— Хорошо, только если реальная опасность, — процедила она. — Не если вам показалось. Не если я долго не отвечаю. Не если вам скучно.

Борис медленно моргнул.

— Критерии опасности желательно уточнить.

— Не желательно, а потом, — отрезала Анна. — Сейчас идём дальше.

Она перевернула страницу, потому что предыдущая вдруг показалась слишком тесной для её раздражения.

— Пункт второй. Не читать мои чаты. Не подглядывать в ноутбук, когда я работаю. Не лезть в переписки, заметки, письма и всё, что находится у меня на экране.

Борис повёл ухом так, будто это правило имело к нему прямое отношение, и Анна сразу это заметила.

— И не надо делать это лицо, Боря. Я знаю, что ты смотришь на мой текст так, будто он тебе лично должен быть структурнее.

— Я не читаю личное, — ответил Борис ровно. — Я оцениваю уровень хаоса документа.

— Документ и есть личное, если он у меня открыт, — сказала Анна.

Вадим тихо прыснул.

— Это сейчас прозвучало как семейная ссора двух редакторов, честное слово.

Анна бросила на него взгляд, от которого человек бы притих, но Вадим был рыжим вислоухим котом с врождённой неспособностью не болтать.

— И последнее, — сказала она, уже заранее чувствуя, как именно на этом пункте её начнут бесить больше всего. — Не советовать мне личную жизнь. Вообще. Ни про бывших. Ни про маму. Ни про то, кто мне нужен, не нужен, подходит, не подходит. Не анализировать, не подталкивать, не выдавать бытовую мудрость, не намекать, что мне пора куда-то там расти. Моя личная жизнь — это моя территория.

После этой фразы тишина возникла особенная. Даже Вадим не сразу нашёлся. Борис смотрел очень внимательно. Сергей не моргал, и Анна вдруг поняла, что сказала вслух не только им, но и себе. Наверное, поэтому голос у неё под конец прозвучал чуть жёстче, чем она хотела.

— Всё. Это три простых правила. Соблюдать.

Борис кивнул.

— Принято.

Сергей тоже кивнул.

— Ясно.

Вадим вздохнул, как человек, которому только что объявили сухой закон на собственной вечеринке.

— Ладно. Хотя пункт про личную жизнь звучит так, будто ты уже заранее знаешь, что там есть материал для советов.

— Вадим.

— Всё, молчу.

Ещё полчаса квартира вела себя образцово. Именно настолько образцово, что Анна даже начала подозревать неладное. Она разогрела суп, поела без особого аппетита, потом села в комнате за ноутбук, потому что дедлайн не уважал ни семейные сцены, ни магические бытовые кризисы. За окном медленно темнело, свет от экрана ложился на клавиатуру холодным прямоугольником, и Анна пыталась собрать из чужого сырого брифа нормальный текст для карточки товара. Клиент был капризный, формулировки дурные, а мозг после мамы работал как выжатая губка, которую зачем-то ещё заставляют писать продающие преимущества хлопковой пижамы.

Она стучала по клавишам чуть резче обычного, вычёркивала, переписывала, снова злилась на себя, и всё это время дверь в комнату была плотно закрыта. Тот самый пункт первый. Та самая граница. За дверью иногда слышался приглушённый шорох, мягкий шаг, тихий звон чашки на кухне, но никто не заходил, и это успокаивало ровно до тех пор, пока не началось нарушение номер один.

Сначала под дверь просунулась лапа.

Просто серая круглая лапа, очень аккуратная и очень настойчивая, появилась в щели между полом и дверью, потом исчезла, потом появилась снова, будто проверяла наличие контакта с реальностью. Анна уставилась на неё так, словно это был не кошачий жест, а издевательство судьбы над буквальным смыслом её правил.

— Борис, — сказала она в сторону двери, медленно и опасно спокойно. — Это считается лезть в спальню.

С той стороны наступила пауза, а потом послышался его сухой голос, не в голове, а вслух, приглушённый дверью.

— Технически я нахожусь за пределами комнаты.

Анна закрыла глаза и медленно досчитала до трёх.

— Убери лапу.

Лапа исчезла. Через секунду под дверь просунулась сложенная вдвое бумажка.

Анна моргнула.

— Это что.

— Корректировка пункта о критериях опасности. Предлагаю обсудить формулировки.

У Анны нервно дёрнулся уголок рта. Она встала, подошла к двери, открыла её рывком и увидела Бориса, сидящего строго по центру коридора с выражением лица человека, который не понимает, почему его логичная инициатива встречена эмоционально.

— Ты издеваешься, да.

— Нет. Уточняю, — сказал он. — Если дверь закрыта, и вы не отвечаете значительное время, требуется протокол.

— Протокол требуется тебе. Мне требуется, чтобы ты ушёл и не устраивал бюрократию под моей дверью.

Борис не спорил дальше. Просто поднял бумажку, развернулся и ушёл на кухню с достоинством обиженного аудитора. Анна закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и почувствовала, как раздражение снова поднимается, но уже не как паника, а как усталая злость на то, что её границы тут же проверяют на прочность, словно они не границы, а новая мебель, которую надо покачать.

Нарушение номер два случилось пятнадцать минут спустя и было, конечно спровоцировано Вадимом.

Телефон Анны лежал рядом с ноутбуком экраном вверх, потому что она ждала ответ клиента. Когда сообщение пришло, она машинально взяла телефон, прочитала «Добрый вечер, правки посмотрели, есть комментарии» и тихо застонала. В этот момент за дверью прозвучал голос Вадима, слишком бодрый для человека, который якобы обещал молчать о личном и не лезть в её пространство.

— Если это опять тот клиент с замашками тирана, скажи ему, что слово уютный нельзя вставлять восемь раз в один абзац, это преступление против вкуса.

Анна застыла.

— Вадим.

— Что.

— Ты сейчас читаешь мои сообщения через дверь.

— Я не читаю, я слышу твой вздох и умею делать выводы.

— И комментируешь мою работу.

— Я поддерживаю процесс.

Она открыла дверь ещё резче, чем в прошлый раз. Вадим сидел у порога, рыжий, невинный, с таким выражением морды, словно он вообще тут случайно проходил и просто переживает за литературную экологию.

— Поддержка процесса — это когда ты приносишь кофе и исчезаешь, а не когда ты анализируешь мой вздох как детектив по переписке.

— Ладно, — сказал Вадим, но без настоящего раскаяния. — Но ты правда вздыхаешь по-разному. На маму одним способом, на клиентов другим, на бывших третьим.

Анна замерла на долю секунды, потом сузила глаза.

— А вот это уже был прямой заход на пункт про личную жизнь.

Вадим понял, что перебрал, но улыбаться не перестал.

— Всё, всё. Я молчу. Я исчезаю. Я всего лишь рыжая тень тактичности.

— Ты рыжая катастрофа, — процедила Анна и закрыла дверь у него перед носом.

Некоторое время она действительно работала. Клиент прислал бредовые правки, Анна переписала половину текста, выдохнула, снова открыла ноутбук, потом потянулась за кружкой, которая уже остыла, и тут случилось нарушение номер три, самое неприятное, потому что в него входило сразу всё понемногу.

Ответ клиенту никак не складывался. Формулировки были деревянные, текст вязкий, внутри у Анны не хватало ни злости, ни энергии, чтобы вытянуть из этого что-то приличное. Она сидела, уставившись в экран, и чувствовала, как усталость становится липкой. Именно в таком состоянии человек чаще всего и делает ошибку — либо отправляет сырой вариант, либо начинает себя ненавидеть за то, что не может дописать очевидное.

За дверью было тихо. Слишком тихо. Анна даже успела порадоваться, что все трое наконец поняли. А потом экран ноутбука мигнул.

Она не касалась клавиатуры.

Мигнул ещё раз.

В строке, где только что было её рыхлое предложение про мягкость ткани и универсальность модели, вдруг появились другие слова. Те же по смыслу, но чище. Сухо, точно, ритмично. Без мусора, без лишней воды, без её сегодняшней усталой рыхлости. Анна замерла и медленно перевела взгляд вниз.

Из-под кровати торчал кончик серого хвоста.

Несколько секунд она просто смотрела на него, чувствуя сначала неверие, потом возмущение, потом то ужасное ощущение, когда чужое действие тебя бесит именно потому, что сделано слишком хорошо.

— Борис, — сказала она тихо.

Хвост замер.

— Вылезай.

Из-под кровати Борис появился не сразу, а с достоинством человека, который считает, что его поймали не на преступлении, а на спасении общего дела. Он вылез, отряхнул шерсть и сел возле тумбочки так, словно совершенно не видит проблемы.

— Текст требовал срочной корректировки.

Анна резко поднялась со стула.

— Ты залез в мою спальню. Под кровать. Пока дверь была закрыта. И исправил мой рабочий текст. Это вообще, как называется.

— Эффективная помощь, — ответил Борис чуть громче, чем обычно.

И вот тут Анна заметила. Голос. Он действительно звучал иначе. Не просто увереннее, а заметнее, плотнее. Раньше Борис говорил так, будто экономил не только слова, но и громкость, словно каждая лишняя интонация считалась эмоциональным перерасходом. Сейчас его голос прозвучал глубже, весомее, почти по-человечески чётко, и от неожиданности она даже на секунду забыла, что злится.

Видимо, он сам тоже это почувствовал, потому что моргнул медленнее обычного и на короткий миг в его взгляде мелькнуло нечто, похожее на удивление.

С кухни тут же высунулся Вадим, которому, конечно, хватило доли секунды уловить новое.

— О, Боря, ты стал звучать как начальник отдела, которого наконец-то включили на полную громкость.

Сергей подошёл следом и остановился в коридоре.

— Прогресс.

Борис почти раздражённо пошевелил хвостом, будто не собирался обсуждать это как праздничное событие.

— Вероятно, выполненная задача дала эффект.

— Вероятно, ты опять влез не туда, — резко сказала Анна, но голос у неё уже был не таким уверенным, потому что перед ней происходило что-то новое и важное.

Борис посмотрел ей прямо в лицо.

— Ваш исходный текст был слабее нормы. Клиент бы прислал ещё один круг правок. Вы были истощены. Я сократил потери времени.

— И при этом нарушил все три правила почти сразу.

— Только два, — сухо уточнил он. — О личной жизни я не высказывался.

— Зато залез под кровать, как призрак с редактурой.

Вадим прыснул так громко, что пришлось отвернуться.

— Призрак с редактурой. Всё, всё, я это запомню навсегда.

Анна жала переносицу пальцами. Её раздражение было реальным, но рядом с ним теперь стояла другая мысль, ещё более неприятная. Борис действительно улучшил текст. Она это видела. Быстро. Точно. Без того вязкого мусора, через который она продиралась уже сорок минут. И от этого было обидно, потому что помощь, нарушающая границу, всё равно остаётся нарушением, даже если она полезна. А ещё было страшновато, потому что если он способен так легко залезть под кровать и в чужой документ, то что ещё он способен исправить без спроса.

— Слушайте все, — сказала она уже громче, выходя в коридор, чтобы видеть их троих сразу. — Мне неважно, насколько это было эффективно, заботливо, полезно или как вы это ещё назовёте. Если я говорю не лезть, значит не лезть. Не с добрыми намерениями. Не по регламенту. Не потому, что вам показалось, что так лучше. Я не хочу жить в квартире, где мои границы существуют только до первой удачной правки.

Вадим перестал улыбаться. Сергей смотрел спокойно, но внимательно. Борис молчал, и тишина у него сейчас была не сухая, а тяжёлая.

— Мы поняли, — сказал Сергей первым.

— Нет, — отозвалась Анна устало. — Пока не очень.

Вадим вздохнул и потёрся боком о косяк, как будто собирался подобрать верный тон.

— Ань, у нас, кажется, просто совсем плохой навык на тему чужих границ. У каждого по-своему. Боря всё чинит, потому что не умеет смотреть, как разваливается. Я лезу с комментариями, потому что тишина мне кажется равнодушием. Сергей вообще считает, что если опасность рядом, то дверь условность. Это не оправдание, просто... ну, факт.

Анна смотрела на него и чувствовала, как злость понемногу стекает, оставляя после себя усталый осадок.

— Я понимаю факт. Но мне всё равно нужно место, где меня никто не трогает без спроса.

Борис наконец заговорил, и голос у него снова прозвучал заметно громче обычного, как будто новый шаг очеловечивания уже закрепился в тоне.

— Принято. Нарушение признаю. Корректировку следовало предложить, а не внедрять.

Анна подняла брови.

— Это у тебя сейчас извинение?

Борис чуть помедлил.

— В функциональном смысле да.

Вадим снова фыркнул, но теперь мягко.

— Он старается. Это у него почти покаянный романс.

Сергей коротко добавил:

— Больше не полезем.

Анна долго смотрела на них, потом развернулась и пошла обратно в комнату. Но на этот раз она не захлопнула дверь. Встала посреди спальни, посмотрела на кровать, на ноутбук, на остывшую кружку, на приоткрытое окно, где стекло отражало её усталое лицо, и вдруг поняла, что если сейчас она снова закрывается намертво, то всё закончится тем же самым кругом — они будут нарушать, она будет беситься, никто не научится ничему, кроме обороны.

Она села за стол, перечитала исправленный текст, тяжело вздохнула и отправила клиенту почти без правок. Через три минуты пришёл ответ: «Да, теперь отлично, берём». Анна уставилась на экран, потом перевела взгляд на дверь, за которой было тихо, и почти против воли ощутила, как внутри шевельнулась благодарность. Не уютная и тёплая, а колючая, неудобная, как свитер, который греет, но сначала раздражает кожу.

Она встала, подошла к двери и посмотрела в коридор. Все трое сидели там, как школьники после неудачного группового проекта. Вадим на полу, Сергей у стены, Борис чуть впереди, собранный и молчаливый.

— Клиент принял текст, — сказала Анна.

Вадим сразу оживился.

— Ну конечно принял, у тебя в доме теперь работает тайный серый редактор повышенной точности.

Борис не шелохнулся.

— Это не отменяет нарушения.

— Не отменяет, — согласилась Анна. — Но и не отменяет того, что текст стал лучше.

Несколько секунд никто ничего не говорил. Потом она медленно, почти нехотя, как человек, который сам удивлён собственным жестом, отошла на шаг назад от двери.

— Я пока не готова к тому, чтобы вы свободно ходили по спальне, — сказала она. — Но... дверь сегодня можно оставить приоткрытой.

Вадим моргнул.

— Это сейчас почти исторический момент, да.

Сергей коротко кивнул, принимая решение как приказ, который надо уважать.

Борис посмотрел на приоткрытую дверь и потом на Анну. В его взгляде промелькнуло что-то тихое, почти растерянное, как если бы он понимал цену этого жеста лучше, чем мог сформулировать.

— Принято, — сказал он уже не так сухо.

Анна фыркнула, чтобы не дать моменту стать слишком большим.

— Не радуйтесь. Это не амнистия. Это маленькая щель доверия. И только на сегодня.

— Иногда маленькая щель лучше закрытой стены, — сказал Вадим неожиданно серьёзно.

Анна посмотрела на него с подозрением.

— Ты украл эту мысль из чьего-то сериала?

— Из жизни, — ответил он и уже привычно ухмыльнулся, спасая её от необходимости реагировать слишком искренне.

Вечер дальше потёк спокойнее. Анна вернулась к ноутбуку, но теперь работала уже не в запаянной изоляции, а с ощущением, что за приоткрытой дверью есть дом. Из кухни доносились обычные звуки: тихий звон чашки, шорох полотенца, редкий короткий голос Сергея из коридора, сухое замечание Бориса, полушёпотом напетое Вадимом что-то бессмысленное про латте и судьбу. Эти звуки не лезли в неё, не требовали внимания, а просто существовали рядом, и это почему-то не мешало. Наоборот, в какой-то момент Анна поймала себя на том, что слушает их, как раньше слушала дождь за окном, не чтобы отвлечься, а чтобы почувствовать, что она не одна.

Глава 7. Ночной разговор

Ночь в квартире всегда наступала не сразу, а слоями, и Борис давно это заметил, хотя замечать он умел ещё тогда, когда у него были человеческие руки, человеческие костюмы и человеческая привычка думать, что любую дыру можно закрыть правильной цифрой. Сначала гас верхний свет на кухне, и оставалась только тёплая лампа над столом, которая делала скатерть мягче, а углы комнаты добрее. Потом стихал подъезд, лифт реже вздыхал за стеной, соседские голоса опускались до глухого бормотания, и дом входил в тот час, когда любая мелочь звучит отчетливее правды, сказанной днём. Потом Анна уходила в комнату, садилась на диван с ноутбуком, делала вид, что ещё работает, хотя пальцы уже двигались медленнее, а взгляд всё чаще проваливался в темноту окна, где отражалась её же усталость.

Сегодня всё шло именно так, но с одной важной разницей. Борис с самого вечера ощущал, что в квартире накопилось не раздражение, не тревога и не даже привычное упрямое сопротивление Анны, а другое состояние, куда более редкое и потому более хрупкое. Она устала настолько, что перестала обороняться каждую минуту. Это не делало её мягкой, это делало её честной, а честность у людей появляется обычно тогда, когда у них кончаются силы поддерживать привычную позу.

Борис сидел на подоконнике рядом с фикусом и смотрел на комнату так, как когда-то смотрел на бухгалтерские таблицы, в которых каждая маленькая ошибка сначала кажется несущественной, а потом тянет за собой целый год чужого вранья. Анна лежала боком на диване, поджав ноги, ноутбук стоял на коленях, но экран давно перешёл в сон, и свет от него лишь слабо подсвечивал её пальцы. Она смотрела не в текст, а куда-то мимо, в серый прямоугольник окна, и Борис видел, как она держит себя в привычной собранности только потому, что иначе придётся признать простую вещь: ей хорошо от присутствия тех, кого она ещё недавно считала безумием.

На кухне тихо гремела чашка. Вадим, разумеется, не мог просто существовать в пространстве и не трогать кофе, даже ночью. Сергей сидел у двери в коридоре, как сидел всякий вечер, и дом в его присутствии становился чуть крепче, будто в косяках появлялся лишний гвоздь. Всё это уже вошло в ритм квартиры, и Борис, при всей своей нелюбви к расплывчатым формулировкам, вынужден был признать, что ритм этот начал напоминать быт, а не временное отклонение от нормы.

Он долго думал, стоит ли сегодня говорить. Не в голове короткими фразами, не сухими уточнениями про график и правила, а по-настоящему, так, чтобы не отчитаться, а рассказать. Ему самому это не нравилось. Рассказ всегда означал признание. Признание означало уязвимость. Уязвимость была нерациональна. Но Борис достаточно прожил, чтобы знать: вещи, которые кажутся нерациональными, иногда оказываются единственными, что вообще удерживает человека от окончательного распада.

Анна потерла лицо ладонью, выключила ноутбук совсем и положила его на пол рядом с диваном. Потом посмотрела в сторону кухни и устало сказала в тишину квартиры, не повышая голоса, будто знала, что её всё равно услышат.

— Я не сплю.

Вадим высунулся из кухни первым, потому что влезать в разговор раньше других было его профессиональной вредной привычкой.

— Мы заметили, у тебя взгляд как у человека, который сейчас либо философствовать начнёт, либо пойдёт есть сыр прямо из холодильника.

Анна не огрызнулась. Только фыркнула чуть слышно и откинула голову на подушку.

— Сыр закончился ещё утром, так что философия дешевле.

Сергей коротко хмыкнул из коридора. Борис остался на подоконнике, но перевёл взгляд с фикуса на Анну и увидел, что она впервые за долгое время не напряжена до твёрдости. Она выглядела уставшей, живой и почему-то моложе своих вечных внутренних сорока, которые таскала в себе вместо двадцати восьми.

Он спрыгнул с подоконника, мягко прошёл через комнату и сел у дивана так, чтобы видеть её лицо. Говорить нужно было точно. Без драматизации, без жалости, без ненужных красотей. Он всегда презирал людей, которые прикрывают проступок поэтичностью, словно ритм фразы способен отменить долг.

— Анна Ветрова, — сказал он вслух, и его собственный голос показался ему странно громким в комнате. — Считаю целесообразным дать пояснение.

Вадим тихо прыснул из кухни.

— Боря, ты даже исповедь начинаешь как служебную записку.

Борис проигнорировал его. Он не отрывал взгляда от Анны, а Анна неожиданно для себя не отвела глаз. Это уже было новым. Обычно в такие минуты она либо шутила, либо злилась, либо переводила разговор на кофе, правила, соседей, всё что угодно, лишь бы не останавливать внимание на том, что происходит внутри. Сейчас она только подтянула плед выше на колени и сказала спокойно, без вызова.

— Ну давай. Поясняй.

Борис секунду молчал. Внутри него поднималось неприятное ощущение, похожее на то, что раньше бывало перед аудитом, когда ты точно знаешь, что документально всё сходится, а нутром понимаешь, что гниль уже в системе и её нельзя скрыть аккуратной папкой.

— Я двенадцать лет жил в съёмной квартире и двенадцать лет считал, что плачу не долг, а отсрочку. Это разные вещи. Долг требует признания. Отсрочка требует только ловкости.

Анна не шелохнулась. Только пальцы на пледе сжались сильнее.

— Я был бухгалтером. Неплохим. Аккуратным. Люди любили слово аккуратный, когда смотрели на меня. Хороший костюм, ровный почерк, спокойный голос. Такие вызывают доверие у арендодателей, у начальства, у клиентов. Я и сам себе доверял, что хуже всего. Когда человек начинает верить в собственную аккуратность как в нравственное качество, он уже наполовину проиграл.

Вадим перестал греметь чашкой. Даже он понял по тону, что это не тот случай, когда можно перебивать ради остроумия. В комнате стало так тихо, что было слышно, как у батареи внутри трубы проходит вода.

— Сначала всё выглядело не страшно, — продолжил Борис. — Задержка на неделю. Потом на месяц. Потом схема. Потом оправдание. Потом привычка. Я умел объяснять себе всё. Высокая нагрузка. Несправедливый рынок. Временный кассовый разрыв. Хозяин квартиры и так богат. Коммуналка завышена. Я всё называл чужими словами, лишь бы не использовать самое точное. Воровство.

Анна медленно перевела взгляд на его лапы, как будто легче было слушать правду, когда не смотришь в глаза. Борис отметил это почти автоматически, но продолжил.

— Я не считал себя плохим человеком. Это было самым удобным заблуждением. Плохой человек ворует открыто. А я, как мне казалось, просто выживал. Перекладывал суммы. Поддельывал расчёты. Закрывал одно другим. Платил частично, обещал остальное, переезжал, снова обещал. И всё это время говорил себе, что потом отдам. Потом обязательно станет легче. Потом я выровняюсь. Потом.

Он сделал паузу, потому что дальше шло самое неприятное. Самое правдивое всегда неприятно произносить именно потому, что оно очень простое.

— Потом не наступает само. Потом приходит как итог того, что ты делал вчера. А я вчера делал только одно. Отодвигал.

Анна тихо выдохнула через нос. Она всё ещё молчала, и Борис вдруг понял, что именно это сбивает его больше всего. Не ирония. Не жалость. Не попытка его оправдать. Она просто слушала. Слушать без перебивания он когда-то считал профессиональным навыком, пока не выяснилось, что сам не умеет выдерживать чужое молчание, если в этом молчании нет согласия.

— Последняя квартира была хорошей, — сказал он тише. — Тёплая. Небольшая. Хозяйка пожилая, спокойная. Она верила, что, если человек разговаривает вежливо, значит он порядочный. Я каждый месяц приносил ей новую версию своей будущей честности. Она кивала. Верила. Я снова тянул. Когда понял, что выбора нет, когда уже всё навалилось и по работе, и по долгам, и по документам, я не расплатился. Я просто сбежал. Оставил ей долг за двенадцать лет таких мелких отсрочек, которые складываются в одну очень большую подлость.

Вадим тихо опустил на пол у кухонного порога. Даже он не пытался вставить реплику. Сергей в коридоре не пошевелился, но Борис знал, что тот слушает, потому что после стольких дней рядом они уже чувствовали напряжение друг друга лучше, чем хотели бы признавать.

Анна наконец подняла глаза.

— И поэтому ты здесь.

Это было не вопросом, а констатацией, и Борис оценил точность формулировки.

— Да. Долг не исчезает из-за смены адреса. Он вообще плохо относится к чужой хитрости. Его можно игнорировать, можно переименовывать, можно откладывать, но он всё равно приходит. Иногда в виде цифры. Иногда в виде квартиры, где тебя заставляют гладить скатерти хвостом, пока ты не научишься быть полезным не только себе.

Вадим всё-таки не удержался и тихо сказал, пытаясь разрядить воздух, который стал слишком плотным.

— Скатерти у тебя, кстати, шикарно выходят, надо признать.

Анна бросила на него короткий взгляд, но не рассердилась. Наоборот, этот взгляд был почти благодарным за то, что он немного отпустил узел в комнате. Борис тоже не возразил. Вадим со своими дурацкими своевременными репликами иной раз выполнял ту работу, для которой не существовало точного бухгалтерского термина.

Анна провела ладонью по лбу и тихо спросила:

— А ты хоть раз хотел вернуться и отдать?

Борис мог бы соврать. Не ради выгоды, а ради красоты образа. Сказать, что да, конечно, мучился, собирался, не успел, был слаб. Люди любят ту вину, в которой уже спрятано оправдание. Но он уже начал говорить правду, и сворачивать на полпути было бы ещё одной отсрочкой.

— Нет. Не сразу. Сначала я хотел только, чтобы меня не поймали. Потом хотел, чтобы не вспомнили. Потом уже хотел не думать. Это хуже, чем не отдать деньги. Деньги хотя бы измеримы. А когда ты делаешь всё, чтобы не помнить человека, которого обманул, это уже не про сумму. Это про устройство тебя самого.

Анна вздрогнула едва заметно. Видимо, что-то в этом попало в неё слишком точно, но Борис не стал развивать чужую ассоциацию. В чужую боль нельзя лезть без приглашения, он это наконец усвоил, хотя слишком поздно и слишком дорогой ценой.

Несколько секунд никто не говорил. За окном проехала поздняя машина, фары скользнули по потолку и ушли. Свет снова стал ровным и квартирным. Борис сидел у дивана и чувствовал странное опустошение, как после долгого подсчёта, когда сверка наконец закончилась и выяснилось, что отрицательное сальдо у тебя не только по деньгам.

Анна первой нарушила паузу.

— Я думала, ты скажешь что-нибудь... красивее.

Борис чуть наклонил голову.

— Красивее было бы ложью.

— Да, — сказала она почти шёпотом. — Наверное.

Вадим потянулся и встал. Его рыжая шерсть в полумраке казалась темнее, а уши опустились чуть ниже обычного, будто даже он, вечный поставщик бодрости, не был уверен, с какого края подойти к такой тишине.

— Ладно, раз уж у нас ночь откровений, то я, видимо, тоже не отделаюсь только кофе, — сказал он уже без привычной бравады. — У меня всё менее по-бухгалтерски, зато глупо. Очень по-человечески глупо.

Он подошёл ближе, сел у другого края дивана и посмотрел не на Анну, а на кофейную чашку, оставленную на тумбочке, словно ему легче было говорить через знакомые предметы.

— У меня была кофейня. Маленькая. Не модная до истерики, а нормальная, тёплая, с кривой плиткой у стойки, с двумя столами у окна, с музыкой по вечерам. Я тогда думал, что если делать что-то вкусное и честное, то оно как-нибудь само вытянет всё остальное. Очень красивая идея. Очень дорогая.

Он усмехнулся коротко и без веселья.

— Я брал кредит на оборудование, потом ещё один, потому что первый не хватил, потом ещё занимал у друзей, потому что поставщик подвёл, потом закрывал один платёж другим, а сверху ещё делал вид, что улыбаюсь гостям не через силу. Я правда хотел, чтобы было хорошо. Не врал себе про порядочность, как Боря. Я просто врал себе про то, что любовь к делу заменяет умение считать.

Борис не стал комментировать. Вадим имел право на свою формулировку, даже если она была небрежной. В ней всё равно чувствовалась нужная честность.

— Когда стало совсем туго, — продолжил Вадим, — я начал экономить на всём, кроме фасада. Красивый стаканчик, приятный сироп, музыка, лампочки. А внутри уже всё трещало. Я не хотел признавать, что дело тонет. Мне казалось, что, если я ещё чуть-чуть поварю хорошего кофе, мир это оценит и даст отсрочку. А миру, как оказалось, вообще плевать на драму бариста, если платёж просрочен.

Анна впервые за весь разговор чуть улыбнулась уголком рта, но не из насмешки. Скорее от того, что фраза была слишком живая, чтобы не зацепить.

— И ты тоже сбежал.

— Ага, — кивнул Вадим. — Только я сбежал красиво в собственной голове. Сказал себе, что не обязан тонуть вместе с мечтой, что начну заново, что всем потом отдам, когда встану на ноги. Только ноги не встают от красивых формулировок. Они встают от действий, а я сначала просто исчез. Оставил людей, счета, аренду, оборудование, даже чашки часть не вывез. До сих пор иногда помню, как на полке стоял пакет с зерном, который я купил в последний день и так и не открыл. И вот это почему-то жалко сильнее всего.

— Потому что это было последнее нормальное, — тихо сказала Анна.

Вадим посмотрел на неё быстро и серьёзно, без своей обычной улыбки.

— Да. Наверное, да.

Сергей всё это время молчал. Он молчал так, будто тишина и была его способом держать форму. Но Борис чувствовал, что очередь дойдёт и до него, потому что общий разговор, если уж начался, не отпустит никого просто так. Сергей медленно поднялся со своего места у двери и подошёл ближе, остановившись не у дивана, а чуть сбоку, как будто даже теперь предпочитал держать обзор на коридор.

— У меня проще, — сказал он низко. — И хуже.

Анна повернула к нему голову. В её лице не было страха, только усталое внимание. Для Сергея это, вероятно, значило больше всяких слов, потому что он кивнул один раз и продолжил.

— Я выбивал долги. Не считал. Давил. Приходил. Стоял. Говорил. Люди боялись. Начальству нравилось. Мне тоже нравилось сначала. Сила нравится быстро.

Он сказал это без гордости и без оправдания. Просто как факт. Борис оценил лаконичность. Некоторые вещи действительно нельзя рассказывать долго, иначе начнёшь подмешивать оправдания просто ради ритма.

— Потом привык. Если человек открывает дверь и уже виноват, с ним легко. Если плачет, ещё легче. Если врёт, можно давить сильнее. Я говорил себе, что это работа. Долг есть долг. Надо платить. Забавно, да.

Он усмехнулся одним углом рта. У Сергея даже усмешка выглядела как предупреждение.

— Когда умер, сам остался должен. И никого уже не интересовало, что я тоже когда-то кому-то был нужен. Вышло ровно. Я всю жизнь стучал в чужие двери и однажды понял, что стою по другую сторону.

Анна закрыла глаза на секунду, потом снова открыла. Борис видел, что она слушает не только слова, но и ту странную справедливость, которая в этих словах была, хотя справедливость не делала историю мягче.

— Ты поэтому так на Максима тогда, — сказала она.

Сергей кивнул.

— Он пришёл брать твоё пространство в долг. Такие всегда одинаковые.

После этой фразы в комнате снова стало тихо, но тишина уже была другой. Не напряжённой, а полной. Когда несколько правд оказываются сказаны подряд, в воздухе появляется ощущение, что мебель стоит чуть иначе, стены слышат внимательнее, а человек на диване уже не может прикинуться, что перед ним просто три странных кота с бытовой магией. Перед ней сидели не люди, но существа с человеческими остатками внутри, и эти остатки были неловкими, виноватыми и потому живыми.

Борис посмотрел на Анну. Она сидела неподвижно, плед соскользнул с колен, руки лежали поверх ткани, и в её лице было то редкое выражение, когда защита ослабла не из-за поражения, а из-за понимания. Он видел его у людей однажды или дважды в жизни, чаще всего слишком поздно.

— В соответствии с логикой обмена, — начал он по инерции, но Анна вдруг подняла ладонь и остановила его.

— Не надо сейчас логику обмена.

Борис замолчал.

— Просто... не надо, — повторила она тише. — Я поняла.

Это было неожиданно. Борис даже не сразу нашёл, что ответить, а для него отсутствие готовой формулировки уже само по себе было событием.

Вадим первым решил проверить новую тишину на прочность.

— И что именно ты поняла, если без протокола?

Анна криво улыбнулась, и в этой улыбке было больше усталости, чем веселья, но всё же это была улыбка.

— Что у меня дома теперь не три наказания с лапами, а три... — она запнулась, словно слово было слишком большим и скользким. — Три человека, которым очень не повезло в собственных характерах.

Вадим фыркнул.

— О, это почти комплимент.

Сергей тихо выдохнул. Борис ничего не сказал. В его случае молчание было не потому, что нечего, а потому, что любое уточнение сейчас разрушило бы хрупкость момента.

Анна опустила взгляд на свои руки.

— Я всё время думала, что вы пришли чинить мне быт. Кофе, скатерти, двери, дурацкие мои списки. А вы, похоже, ещё и сами себя как-то собираете по кускам. И это, если честно, раздражает меньше, чем могло бы.

— Великолепная формулировка поддержки, — пробормотал Вадим. — Прямо чувствую тепло семьи.

Анна на этот раз усмехнулась заметнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.